

Людмила Сладкова

18+

Реквием
по
любви

ГРЕХИ ОЦОВ

Людмила Викторовна Сладкова
Реквием по любви. Грехи отцов
Серия «Криминальная любовь», книга 2
Серия «Страсть и криминал»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69302725

Реквием по любви. Грехи отцов: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-155992-2

Аннотация

Против их любви, кажется, целый мир. Дмитрий, сын криминального авторитета, вскоре и сам должен занять важное место в четко выстроенной иерархической структуре. Его судьба предрешена, а сопротивление системе бесполезно. Позволить ему жениться – это дать врагам важный козырь и возможность воздействовать на него. Да и у Лизы находятся те, кто считают себя в праве, распоряжаться ее жизнью.

Теперь их отношения под запретом, но настоящая любовь не признает границ, условностей. Дмитрий и Лиза готовы рискнуть всем, не думая о том, сколь высоки ставки в этой игре и как тесно настоящее связано с прошлым.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	45
Глава 3	86
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Людмила Сладкова

Реквием по любви.

Грехи отцов

© Сладкова Л., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

*** * ***

Глава 1

Данила пришел за ней ровно в семь. Впрочем, в его пунктуальности никто не сомневался. Но эта, казалось бы, положительная черта сейчас сильно раздражала. Да так, что кончики пальцев покалывало! Не мог явиться минут на двадцать позже? Совсем не понимает, как тяжело ей Дмитрия отпустить? Сама же себя Лиза и одергивала. Знала прекрасно – нет у него выбора. Нет. Но черт! Никак не ожидала, что утро наступит так скоро.

Долгих прощаний с Похомовым не вышло. Жаркий поцелуй да мимолетное, хоть и безумно крепкое, объятие. Уткнувшись в ее висок, он прошептал:

– Кроха... будь умницей! Моя!

И ведь не сказал ничего особенного, доселе ей неизвестного, а улыбка на лице сама собой расцвела. Глаза засияли. Легкие втянули чуть больше чистого утреннего воздуха. Лгунья! Напоследок его запахом хотелось надышаться. Каждую собственную молекулу им насквозь пропитать!

– Береги себя, – ответила Лиза так же тихо. – Пожалуйста! Что угодно делай... только береги.

Он коротко кивнул, дав тем самым молчаливую клятву. После отстранился, подталкивая ее к Верещагину, и произнес достаточно властно:

– Ступай!

Вот и все. Пост сдан. Пост принят.

Она медленно плелась за Даней. Мужчина вызвался идти первым и теперь размеренно, но осторожно вышагивал по узкой тропинке. Иногда придерживал ветки кустарников, чтобы те не хлестали Лизу по лицу.

Он выглядел бодрым и отдохнувшим, в отличие от самой Лизы, взъерошенной и помятой. Ей даже немного стыдно стало.

Видно же, что они с Димой не в шахматы играли.

Лиза тяжело вздохнула. Тишина вроде как успокаивать должна. Однако на девушку действовала удушающе. Столько всего произошло за последние сутки, что хотелось... да чего угодно, только не молчать.

– Почему Дима не ладит с Матвеем? – припомнила Лиза вчерашний разговор с Похомувым.

Лизавета попыталась подавить зевок. Да и вообще не уснуть на ходу, если уж на то пошло. Ночью не сомкнула глаз. Пара часов легкой дремоты не в счет.

Данила молчал. Возможно, не расслышал из-за хруста веток, хоть и верилось в это с трудом. Возможно, просто проигнорировал, что более вероятно. Не суть. Главное – был нем как рыба. Ну и пожалуйста! Не хочет говорить – и не надо. Обиженно насупившись, она неожиданно налетела на Верецагина. Только сдавленно пискнуть «Ой!» и успела.

Когда остановился-то?

Придержав за локоть, он уберег Лизу от падения. Они как

раз вышли из лесополосы на поляну. Окинув местность беглым взглядом, Даня пропустил девушку вперед, но тут же догнал ее и пошел рядом, подстраиваясь под ее шаг.

– У тебя было достаточно времени спросить об этом самого Дмитрия, – спокойно выдал Верещагин, когда Лиза уже и не надеялась услышать ответ.

– Если бы хотела узнать у него – узнала бы!

– Иными словами – не сказал?

Она хмыкнула, обреченно кивнув.

– Дима... умеет переводить разговор в нужное ему русло.

– Еще бы! – Даня сдержанно улыбнулся. – Так любопытно, мышка?

– Не надо! – Даже шаг сбавила. – Только ему можно называть меня...

Мужчина в примирительном жесте вскинул ладони.

– Заметано. Выдохни. – Он выдержал паузу и продолжил: – Как тебя угораздило-то? Совсем ведь юная еще... а он – взрослый дяденька.

Уточнять не требовалось. Лиза поняла суть вопроса.

– Не знаю. – Лгать не стала. Лишь плечами пожала. – До сих пор не понимаю. Само собой вышло.

– Угу. Само собой, значит. – Сопровождающий задумчиво потер шершавый подбородок. Как и у Димы, щетина к утру проступила. – Первый раз вижу, чтобы Похомова так на ком-то клинило.

– А я не кто-то! – Лиза и сама не заметила, как рявкнула

на мужчину. – Я – его любовь, ясно? Безумная!

Мужчина коротко гоготнул:

– Знаю, знаю. Собственными глазами видел. Вашу Машу, как у вас друг от друга крышу-то рвет! Не верил, что так бывает. Чую, ждут нас всех тяжелые времена.

– Не каркай, Даня. Мне и так страшно. – Лиза прикусила губу от волнения. – Неужели так заметно?

Верещагин ободряюще похлопал ее по плечу. Мол, прорвемся. Но кивнул, подтверждая.

– Просто ты со стороны себя не видишь. Ты же смотришь на него так... словно он... по воде каждое утро ходит!

– Что же в этом плохого?

– Глупышка! Рано или поздно Прокурор или Похом – а может, и вместе – устроят вам очную ставку. Неожиданно. Не дадут сориентироваться. Столкнут лбами и посмотрят, как друг на друга реагируете. Как их приказ исполнили. Борзый-то сможет эмоции обуздать. А ты?

Пальцы заледенели. Да и вообще зябко стало. Лизавета поежилась.

Ей подобное и в голову не приходило. У них что, других дел нет?

Глупость какая!

– Сможешь не кинуться в объятия Дмитрия, крича во всеуслышание: «Я – его безумная любовь?» – Он передразнил ее голос! Теперь уже девушка насупилась:

– Смогу, конечно! От этого зависит безопасность моего

муж... мужчины!

– Учти, я запомню твои слова. Ты должна научиться прятать свои истинные чувства, Лиза. Или пропадешь.

– Не заговаривай мне зубы! Что произошло между Димой и твоим братом?

С видом, будто она вообще ничего не понимает и он напрасно тратит время, Верещагин отвернулся.

– Конфликта как такового нет, – пояснил Даня немного погодя. – И не было, впрочем. Если ты об этом. Просто тяжело идут на контакт. Слишком часто не сходятся во мнениях. А у каждого из них оно есть, и довольно... весомое в наших кругах. Всегда в лицо высказывают, что друг о друге думают. Чаще всего на матах и жестах. У мужчин так бывает.

Зная темперамент Похомова, вообще неудивительно. А вот другой любопытный факт покоя не давал.

– А почему ты... ну, на стороне Димы? Странно как-то...

– Некоторые суждения брата... они ошибочны. Борзый дальновиднее в этом плане. Хотя причина в другом, конечно. Он не раз... да и не два вытаскивал меня из таких передряг, что и вспоминать жутко! Практически с того света, понимаешь? Я ему жизнью обязан. Если узнает Матвей – пара сломанных ребер мне обеспечена. В лучшем случае. Но не за верность Дмитрию. Нет. Преданность и верность он ценит. За то, что вообще в подобных ситуациях оказался.

– Грозный старший брат...

– Именно. И его суровость тебе предстоит познать на соб-

ственной шкуре.

Лиза обхватила себя руками, не сбавляя шаг. В обществе Матвея ей было некомфортно. Очень! Не понимала она значения его взглядов. Слов. Отношения. Одним словом – мороз по коже.

– Почему Дима настаивает на нем? Ты же можешь показать мне пару приемов? Разве этого недостаточно?

Мужчина улыбнулся:

– Я-то покажу, не вопрос. Только мне до брата далеко. Он же многих наших парней натаскивает по самообороне и рукопашке в целом. Борзый не просто так Матвея выбрал. Они прекрасно знают достоинства друг друга. Хоть никогда и не признают этого.

Оставалось лишь обреченно выдохнуть. Лизе не хотелось заниматься с ним. Совершенно. Все внутри протестовало. Настоящий и бесконтрольный бунт в сознании.

– Хорошо, – сказала она, борясь с собой. – Я попробую.

* * *

Было далеко за полдень. Бабушка прилегла на часок. А Лиза, устроившись в летней беседке с деревянным столом и резными лавками, принялась изучать свою находку – сокровище, оставленное мамой. Пока никто не видел, положила кольцо, подаренное Похомовым, внутрь коробки. Даню сменил Матвей. Лиза предусмотрительно попросила мужчи-

ну остаться на крыльце, чтобы в этот интимный момент побыть одной. Долгое время изучала небольшую стопку фотографий. Своеобразная история семьи. Несколько снимков отца. Совместные фото их с мамой. И даже Лиза попала на некоторые. На душе щемило. Вроде и слово себе дала – не плакать более, однако чувства были на пределе. Девушка вибрировала от напряжения, как натянутая струна. Жестоко. Там они живы и счастливы. А здесь, в настоящем, их уже нет.

«Дышать! Нужно просто глубже дышать...»

Далее в руки ей попался небольшой блокнот, сплошь исписанный иностранными фразами. Ничего не скажешь, мама была сентиментальной – вела личный дневник, хоть и умело зашифровала содержимое. Запечатанные письменные конверты с жирными цифрами «один» и «два» девушка отложила в сторону. Тут же потянулась к небольшой круглой коробочке. Открыла и ахнула. Аккуратно срезанный пучок волос.

Не рыжий! Темный. Частичка отца...

Дрожащим пальцем прикоснулась и прохрипела севшим голосом:

– Мягкие!

На дне коробки лежали золотые украшения с камнями. Кольца. Серьги. Браслеты. Не битком, как в пиратском сундуке с сокровищами, но по нескольку пар. Один предмет явно выделялся. Мужской перстень. Такой огромный, что в нем поместилось бы полтора Лизиных пальца. Рассматривая изделие, она грустно улыбалась. Тоже папино. Казалось,

будто сейчас, в этот момент, происходит воссоединение семьи. Сердце в груди уже отбивало торжественную барабанную дробь. Уверенно, ничего более не опасаясь, Лизавета вскрыла конверт под номером один.

«Моя душа... мой воздух...»

Если ты читаешь это письмо, значит, все хорошо. Просто пришло время. Либо же наоборот – очень плохо, и поиск ответов обусловлен необходимостью, а меня нет в живых. Молю Господа, чтобы вариант оказался первым. Но особых надежд не возлагаю... Он давно меня не слышит.

Что-то надвигается, доченька. Нутром чувствую. Будто... Кир все крепче обнимает. А я, как прежде, млею... теряю волю и поддаюсь, делая решительный шаг к нему навстречу.

Потому и собрала в одном месте всю важную информацию, которая поможет тебе во всем разобраться. Пришлось перестраховаться – большинство записей сделано на немецком. Как жаль, что ты не питаешь такой же страсти к языкам, как я. Тем не менее придется постараться и перевести их. Не ленись. И будь осторожна. Никому не доверяй. О втором письме никто не должен знать, милая. И, Лиза, родная... если в твоей жизни все хорошо, не читай его. Не лезь в эту трясицу. От нее не отмыться. И прежней уже не стать. Хорошенько подумай!

Сколько раз ты задавала вопрос, от которого я захлебывалась в собственной агонии и сбегала, не в силах унять

терзающую сердце боль. Банальное «Где мой папа?» оборачивалось для меня самой настоящей истерикой. Знаю, виновата. Собой в те моменты не владела. Только и по сей день ничего не изменилось, Лиза. Без него я умираю... снова и снова. А потом вдруг оживаю. Когда слышу требовательное «Мамочка!» Ты – смысл моей жизни, родная. Все, что я когда-либо делала, имело лишь одну цель – защитить тебя!

Твой отец был бандитом. Вот и сказала. Да, тяжело принять. Но такова правда. Уголовником. Жестоким и беспринципным. Бескомпромиссным. Со всеми. Но не со мной. Я знала его настоящим. Таким, каким не знал даже родной брат. А когда у нас ты родилась... Боже! Как же он любил тебя, Лиза. Клянусь, я ревновала! С таким трепетом прикасался, что душа замирала, и время останавливалось. У Кира тряслись руки рядом с его кнопочкой. Он так тебя называл – кнопка. Лишний раз сжать боялся своими сильными ручищами.

Как забыть это, дочка? Как вычеркнуть из памяти? Никогда не забуду нашу с ним первую встречу. Никогда! В тот самый миг я видела свою смерть. Свою погибель. Свою бездну. В его глазах...

Тонула в них, не в состоянии совладать с эмоциями, и понимала – принадлежу. Отныне и до последнего вздоха. Это конец. Присвоил. Заклеймил. Поработил. Не словом. Одним лишь взглядом! Кто-то назовет это безумием. Одержимостью. Проклятьем. Я же зову любовью...

Не спеши судить, родная! Я противилась чувствам что было сил! Ведь знала, кто он. Знала, что нельзя. Понимала. Да только проиграла. Лишь в его руках оказалась – и пропала! В своей любви мы были эгоистичны и свирепы. Желая разделить друг с другом вечность, совершенно не думали о последствиях. А платить приходится всегда. Всегда. Забавно, ведь я ни о чем не жалею. И ни за что не отказалась бы от него, даже под дулом пистолета. Лучшие смерть. Смерть, с его именем на устах. Но то моя судьба... моя карма. Не твоя.

Ты же, Лиза, должна выжить. Что бы ни происходило. Как бы судьба ни испытывала! Нормальная мать сказала бы – держись подальше от неприятностей. Я же говорю – борись за свое счастье. Никто не имеет права отнять его у тебя. Ты – дочь Черчилля! «Не прогибайся – требуй», – слова твоего отца. Мы рядом. В твоём сердце. Люблю... всегда!»

Руки тряслись. Чтобы не закричать, Лиза до крови прикусила губу. Понимая, что все – слез сдержать не сможет, спрятала лицо в ладонях.

– Я буду бороться, – шептала она бессвязно, раскачиваясь в позе душевнобольного человека. – Обещаю. Я буду. Он ответит... ответит. За все, что сделал с вами. С нами.

– Тише! – раздался успокаивающий голос прямо над ухом. – Тише, моя хорошая. Не надо плакать. Пожалуйста.

Она не сразу сообразила, что Матвей сидит рядом и креп-

ко прижимает к ее себе. Нежно гладит по волосам. Пребывая в шоке, Лиза вскинула на мужчину полный изумления взгляд. Он смотрел с сочувствием и... необъяснимым трепетом, что ли. А Лиза... будто по голове ее хорошенько треснули... поняла наконец, что именно в его обществе так настаивало и пугало. Забота? Нет. В его взгляде читалась жажда обладания!

«Господи, да я же нравлюсь ему!»

На ноги вскочила, едва не полетев обратно, споткнувшись о скамейку. Неважно. Лишь бы вырваться! Впрочем, Верещагин и не держал.

– Не бойся меня, Лиза! Не шарахайся, – зачем-то произнес он. – Я жизнь отдать готов, защищая тебя. Уж вреда-то точно не причиню.

Она вытерла лицо от соленой влаги.

– Я и не боюсь.

Проворно сложила все содержимое шкатулки обратно и как бы невзначай увидела свое обручальное кольцо. Поднесла к лицу и, нахмурившись, сделала вид, что детально изучает.

– Красивое, – подтвердил ее собственные мысли мужчина. – Под цвет твоих глаз. Камень редкий и очень дорогой.

– Мы с мамой – одно лицо. Очевидно, папа подбирал именно под цвет ее глаз. Но и мне подойдет.

Демонстративно начала примерять украшение на разные пальцы. В итоге оставила на правом среднем. Ближе всего к

безымянному. К его законному месту. Захлопнув шкатулку, в упор посмотрела на Матвея.

– Мне нужна твоя помощь.

Теперь нахмурился он:

– О чем речь?

– Вчера ты сказал: «Лишь безмозглый идиот позволил бы сопливой девчонке отправить себя в нокаут. Я к таким не отношусь». Помнишь?

– За свои слова всегда отвечаю.

– То есть в драке ты хорош?

– Не играй со мной в кошки-мышки! – Он поднялся следом.

– Если бы пришлось драться с Решетниковым, ты победил бы его?

– Не сомневайся. Со мной даже... – отчего-то он запнулся. – Просто не сомневайся.

– Я тоже так хочу!

– Как?

– Знать, что в состоянии защитить саму себя. Я же беспомощна, как червяк!

– У тебя есть я и Даня.

– Мне этого недостаточно, чтобы спокойно спать ночами.

Научи меня!

– Ты не рехнулась, случаем?

– Матвей! Пожалуйста! Я же не собираюсь кулачные бои устраивать. Самые элементарные приемы. Обычная само-

оборона. Мама оставила мне письмо, в котором просила быть сильной и стойкой. Понимаешь?

– Лиза, но ты уже такая. Сильная. Несгибаемая...

– Так ты поможешь? Или Даню просить? – пришлось повысить голос. Ей нужен был ответ. Здесь и сейчас. – Да или нет, Матвей?

Он прожигал ее взглядом. Кадык ходуном ходил.

Не страшно. Терпимо. Держать лицо!

– Поговори с Прокурором. Добро даст – так и быть. Обучу тебя.

* * *

– В атаке безнадежна, – недовольно буркнул Матвей. – Не понимаю, каким чудом ты Толю вырубил, если глаза закрываешь в момент удара!

Звучало как приговор. Они начали первое занятие на поле возле дома сразу после захода солнца. Теперь же сумерки стремительно надвигались на землю, порождая в душе необъяснимую тревогу.

Лизавета насупилась, отгоняя от себя мрачные мысли. Настырно сдула со лба выбившуюся из хвоста прядь волос.

– Я сильная! – Она упрямо вздернула подбородок, едва ли не вспарывая облака собственным носом. – И выносливая. Не знаешь же, какие нам Ирина Павловна нагрузки дает! Ты бы удивился...

– Судя по всему, – он оценивающе скользил по ней тяжелым взглядом сверху вниз, – недостаточные.

Вот же гад!

– Что, не по зубам задача? Уже сдаешься? Мне позвать Даню?

Для чего провоцировала мужчину, сама не понимала. Но ей необходимо было выполнить просьбу Дмитрия. А на войне, как известно, все средства хороши.

– Так научи. – Лиза ходила вокруг него, как теленок, привязанный к колышку. – Научи меня...

– Лиза!

Довольно грозно произнес. Спину под удар не подставлял – сцепившись взглядом, поворачивался вместе с ней. Мешал отвлекающему маневру и внезапной атаке.

– Что?

Неожиданный выпад вперед. Резко и без предупреждения.

Рефлексы не подвели. Девушка успела отскочить. Еще попытка Верещагина, и снова неудача.

– Отличная реакция, – резюмировал он секунду спустя. – Есть неплохой шанс прокачать защиту.

– Ну хоть что-то во мне есть...

– В тебе есть все. Жаль, что не понимаешь. И не ценишь.

Она даже двигаться прекратила. Встала точно вкопанная.

– В смысле? – с трудом выдавила Лиза. В горле ком встал.

Матвей смотрел не мигая. И от этого взгляда откровенно

не по себе становилось.

– В прямом. – Мужчина прокашлялся, словно смутился. Или сболтнул лишнее. – Мышечный каркас, формирующий фигуру, что надо. Бицепсы как камень. Скорость реакции на высоте и с ними в жесткой связке.

– А-а-а... – протянула Лиза задумчиво, – с чего ты взял...

– Я прикасался к тебе. Знаю, о чем говорю.

– ...что между всеми этими критериями есть связь?

Девушка вспыхнула. Вот как в глаза смотреть после таких откровений? Леденя от нехорошего предчувствия, попятилась. словно копируя ее движения, мужчина шагнул следом, явно не намереваясь увеличивать расстояние:

– Не бойся, Лиза. Не надо.

– Не подходи.

– Не могу...

– В чем дело?

– Как магнитом к тебе, девочка. – Матвей приложил сжатую в кулак руку к сердцу. – Не причину вреда. Лишь рядом буду.

От изумления Лиза так и застыла с разинутым ртом.

– Спятил? – Она неожиданно для себя повысила голос.

– Похоже на то...

Холодный пот покрыл всю ее спину. Топик стал липким и противным.

– И ничего тебя не смущает?

– Например?

– Матвей, я другого люблю! Очень люблю... понимаешь?

Сморщившись как от хорошего удара в челюсть, мужчина гневно сплюнул на землю. Его взгляд был равносильен отборному мату – тому, что вместо тысячи слов.

– Забудь! Быть с ним тебе не позволят. А чувства... они пройдут.

Верещагин произнес столь болезненную для Лизы фразу с таким наслаждением, нескрываемым удовольствием, что девушку передернуло. Она скривилась от неконтролируемой злобы, бушующей в крови. Захотелось ужалить его, да побольнее. Вернуть с небес на землю.

– И с тобой не позволят, – вогнула Лиза нож в сердце по самую рукоять, ни капли не жалея Верещагина. Пресекая подобные мысли на корню. – Ты же слышал Прокурора – никто из вашего круга!

– Слышал. Однако я не претендую на роль смотрящего. Это тот редкий случай, когда у меня шансов на тебя больше, чем у Борзого.

У тебя их вообще нет, болван!

– Нет.

– Я дождусь. Однажды ты будешь готова...

– Не тешь себя напрасными надеждами. Пожалуйста.

– Не отступай назад, если не знаешь, что у тебя за спиной, – поспешил перевести разговор Верещагин, – можешь споткнуться! А это проигрыш.

– Спасибо за сове-е-е-е...

Нога подвернулась, когда стопа провалилась в небольшую ямку, похожую на нору суслика. Потеряв равновесие, Лиза начала падать.

Именно в этот момент Матвей рванул ее на себя. Прижал крепко и не спешил отстраняться. Более того, с каждой секундой казался все напряженнее и стискивал сильнее. Вглядывался в лицо, словно пытался каждую черточку запомнить. И это пугало. Очень пугало.

– Пусти! – зашипела Лиза, пытаясь вырваться.

– Я осмотрю ногу.

– Нет! Не прикасайся.

Чужие руки. Чужие! Боже! Уже и не паника вовсе. Ужас. Откровенный и ничем не прикрытый. Лиза понимала прекрасно – не по зубам ей этот противник. Закричать? Если повезет, Даня услышит. Или Петр Петрович.

Как будто прочитав ее мысли, мужчина холодно предупредил:

– Начнешь верещать, заткну тебе рот... своими губами! Усекла?

Судорожно вытолкнув из легких застоявшийся воздух, Лиза кивнула.

– Умничка! – промурлыкал он одобрительно. – А теперь покажи мне ног...

Все произошло столь стремительно, что девушка и сориентироваться не успела. Что-то или кто-то с невероятной силой отшвырнул их друг от друга. И если ее просто оттолкну-

ли в сторону, да так, что еле на ногах устояла, то Верещагин был сбит на землю жестким ударом в челюсть.

Сквозь всполохи адреналина Лиза различила любимый профиль.

Господи! Что Дима здесь делает?

– Паскуда! – взревел Похомов, разрезая пространство разъяренным басом. – Сам себе приговор вынес...

– ...сука, Борзый...

– Мое тронул, мразь...

Верещагин вышел из оцепенения и принялся отвечать не менее жесткими ударами. Хоть и пропускал немало. У обоих руки были уже окровавлены. Лизу трясло так, что перед глазами плыло, а ноги ватными стали. Совсем не слушались. Безумие. Лиза понимала, что остановить их должна. Только как?

– Ди... Дима? – позвала она, заикаясь. – Хватит... умоляю...

– Ушла отсюда!

От ярости, сквозившей в его голосе, Лиза едва в обморок не свалилась. На лбу испарина выступила. Ослушаться такого тона было нереально! Не помня себя от страха, Лиза поплелась в сторону дома. Сделав пару несмелых шагов, услышала бескомпромиссное:

– В машину, Кроха. Я тебя забираю!

Она дошла. Почти. Несколько метров оставалось, когда вздрогнула от громкого звука. Страшного. Это был выстрел.

Цепеня от ужаса, развернулась. Реакция была заторможенной, однако сердце уже болезненно сжалось, предчувствуя удар чудовищной силы. Удар, от которого никогда не сможет оправиться. Дмитрий, пошатнувшись, рухнул на колени. Матвей же, напротив, на ногах стоял довольно твердо. Сплюнув кровь, направил пистолет прямо в голову Похомова:

– Ну что, Борзый? Сочтемся?

– Нет! – От собственного вопля заложило уши. – Дима!

* * *

Ее пронзительный визг эхом отразился от стен просторной комнаты.

Лиза точно ужаленная подскочила с дивана, да тут же обессиленно осела прямо на пол. Ноги ее совсем не держали. Волосы липли к вспотевшему лицу. Она горела, словно на костре ее жарили. Казалось, даже легкие полыхают. От того и дышать больно. Беглый взгляд в окно – солнце! Еще день!

Сон. Просто кошмар...

После утренней пробежки девушка чрезвычайно утомилась. Для нее это было столь странным и непривычным, что, желая восстановить силы, она прилегла в гостиной. Видимо, так и уснула.

Сон. Господи, спасибо!

От облегчения Лиза спрятала лицо в ладонях и дала волю слезам.

И хорошо все вроде бы... Так почему же душа на части рвется?

Лиза не видела Похомова уже четвертый день. Ни звонков, ни новостей. Девушка от беспокойства места себе не находила. Ведь и с Данилой он на связь тоже не выходил.

Вдруг случилось что?

– Господи, – всхлипнула она, заикаясь, – спаси его! Молю тебя! Защити. Сбереги. А грехи... за них лучше меня накажи...

Вроде отпустило. Полегчало. Уже и дыхание почти в норму пришло.

– На Бога надейся, а сам не плошай! – раздался голос Аркадия Михайловича Похомова из другой части гостиной. – Есть такая поговорка.

От неожиданности сердце едва из груди не выскочило. Да что же это такое!

Лиза с остервенением принялась вытирать лицо от влаги. Отчего-то стало неловко за свою несдержанность. Промокнула слезы обратной стороной топа. Лишь когда морально настроилась, развернулась в сторону Диминого отца. Похом восседал за столом у противоположной стены в компании Матвея и Лизиной бабушки и задумчиво вертел в пальцах зажигалку. Все выглядели довольно озадаченными. И взволнованными ее состоянием. Бабуля и вовсе украдкой утирала глаза уголком передника. Лиза сосредоточилась на госте.

– Аркадий Михайлович, – поприветствовала она сухо, –

что за счастье видеть вас так... скоро?

Темные глаза внимательно следили за ней – будто насквозь просвечивали, как долбаным рентгеном. Эмоции. Мысли. Чувства. Все!

В несколько шагов мужчина оказался возле Лизы. Осторожно, с особым трепетом помог подняться на ноги. Тут же усадил на диван и сам примостился рядом.

– Я предупреждал, что мы будем видеться довольно часто, – все так же спокойно и равнодушно отозвался Похомов. Замолчал, а после секундной паузы продолжил: – С ним все в порядке.

Для чего он говорил ей это, Лизавета понимала с трудом. Однако, от подобных слов будто камень с груди убрали. Она смогла сделать полноценный глубокий вдох.

– Собирайся, олененочек. Прокатимся.

– Куда?

– В город.

– Зачем?

От его ответа в венах заледенела кровь, а сердце, казалось, покрылось инеем.

– На твою съемную квартиру. В больницу. На кладбище.

* * *

– Ч... что?

Сознание начало медленно меркнуть, а Лиза – превра-

щаться в безвольную тряпичную куклу. Быстро сориентировавшись, что к чему, Похомов схватил девушку за плечи и слегка встряхнул.

– Ты чего это? – Легкие шлепки по щекам. – Как мел побелела...

– Кладбище? – Внутренности словно кипятком ошпарило. – Больница?

Видя ее потерянный, перепуганный взгляд, Аркадий Михайлович чертыхнулся:

– Тьфу ты! Не было печали. Я пороть тебя буду, ей-богу. Опять черт знает что себе напридумывала?

Не отдавая отчета собственным действиям, Лиза что было сил вцепилась в грубоватую мужскую ладонь, отчего Похом едва различимо вздрогнул. Будто не привык к вторжению в личное пространство.

– Я не понимаю.

– Расслабься, сказал! – прогромыхал он над ухом, очевидно пытаясь привести девушку в чувства. – Не о чем беспокоиться.

Эффект получился противоположным – ей передалось его раздражение.

– Действительно! – зашипела она сквозь стиснутые зубы. – По-вашему, все нормально? Озвучить столь странный маршрут – и ничего, НИЧЕГО не объяснить при этом?

– Вполне. Отчего нет-то?

– Что с Димой?

Вопль из груди вырвался. Из самых глубин души. Ничего поделать не смогла. Не было сил сдерживаться. Ничего уже не соображала.

– Да твою ж мать! Выброси уже моего сына из головы! Не думай. Не терзай себя!

– Может, мне еще и сердце из груди вырвать? А? Чтобы легче и быстрее... Вы жену не бросили что-то!

Его пальцы впились в нее, причиняя вполне реальную боль.

– Лиза! – Прозвучало предостерегающе и грозно.

– Я пытаюсь. Ясно вам? Пытаюсь! Но это... это хуже ломки. Вам не поня...

– Ошибаешься. Я понимаю.

Схлестнулась с ним взглядом и утонула в эмоциях. Искренних. Настоящих.

Мужчина позволил их увидеть, не скрываясь за привычной маской холодности и равнодушия. Сожаление. Тоска. Невозможность повлиять на ситуацию. А также... необъяснимая нежность. Всего на несколько секунд Похомов обнажил перед ней душу, но этого оказалось достаточно, чтобы остудить свой пыл. Взять под контроль расшатавшиеся нервы. Лиза неловко прокашлявшись, посмотрела на него смело и в упор.

– Извините.

Аркадий Михайлович задумчиво прищурился:

– Иногда я совершенно забываю, что тебе всего лишь два-

дцать...

– Это я забываю, с кем разговариваю. И мне... стыдно по-
том. Всякий раз.

Мужчина хмыкнул:

– Сильная девочка, однако. Заслуживаешь уважения.

Лиза сдержанно улыbnулась, хотя ей захотелось прыгать
до потолка и громко смеяться – добилась уважения свекра!
Чем – непонятно. Да и неважно. Главное – итог.

– Так что с ним? – спросила спокойно, почти шепотом. –
Пожалуйста.

– Черти адовы! Да что с ним станется? – последовал раз-
гневанный ответ. – С утра до вечера в делах с головой, даже
матери позвонить ему некогда. А ночи... Ночи в своем клу-
бе проводит. На пару с Соколом горькую хлещут да баб...
только и успевают менять.

Лиза дернулась, вырывая свои пальцы из его ладони. При-
косновение жгло. До крови прикусила губу.

Нет! Нет. Что он такое говорит?

Однако дыхание уже сбилось, выталкивая из легких му-
чительный стон.

Не в силах поверить в услышанное, Лиза зажмурилась.
Даже если ей в глотку вылили бы сейчас ведро растворите-
ля, боль оказалась бы ничтожной по сравнению с чувством,
в клочья разрывающим грудную клетку. Лишь одна мысль
отрезвляла, удерживая на грани, и не давала впасть в бес-
памятство – однажды похожая ситуация уже была. Тогда де-

вушка поверила своим глазам. На деле же все оказалось совсем иначе. Взгляд упал на правую руку, в солнечных лучах сверкнуло кольцо.

«Будь умницей! Моя!»

Его голос настойчиво звучал в голове, вселяя уверенность. И безграничное доверие. Лизавета судорожно вздохнула полной грудью. Едва распахнула глаза, наткнулась на глубокий, сканирующий взгляд Диминого отца. Что он хотел увидеть? Слезы? Истерику?

...Рано или поздно Прокурор или же Похом устроят вам очную ставку. Столкнут лбами и посмотрят, как друг на друга реагируете. Как их приказ исполнили...

– Может... оно и к лучшему, – прохрипела Лиза чужим голосом. – Быстрее... быстрее... а, неважно!

– Олененочек?

– Все хорошо. Правда. Если он сможет, то и я... тоже... – Она уткнулась взглядом в потолок. – Так... для чего мне необходимо ехать с вами?

Несколько секунд он молчал, явно обдумывая что-то.

– Где твой паспорт, Лиза? В твоих личных вещах мы его не нашли. Забыла на съемной хате? Наведаемся туда.

Выброс адреналина в кровь был запредельным.

Черт!

Шестеренки в голове завращались с невероятной скоростью, пока она подыскивала правдоподобный вариант ответа. Что сказать, не выдавая тем самым ни себя, ни Дмитрия?

– А зачем вам мой паспорт? – Лиза настороженно следила за собеседником исподлобья. Не мигая.

– Загранку тебе сделать.

– Прямо сейчас? В смысле – к чему такая спешка?

– Он может понадобится тебе в любой момент. Пере-
стань перечить.

– Как скажете. – Оттянуть момент, конечно, можно. Но что они будут делать, когда, взяв в руки ее новый паспорт, Аркадий увидит там свою фамилию? – Зачем нам на кладбище?

– Ну, так... – Мужчина замялся и продолжил более холодно и отстраненно: – Ни разу у родителей не была... не людски все же.

– У отца только. У мамы-то каждый праздник, даже... – Лизавета замолчала на середине фразы. Спрятав лицо в ладонях, истерически расхохоталась. Осознание собственной глупости оказалось болезненным. – Мама похоронена с ним? – озвучила она скромные умозаключения.

– Именно.

– Тогда... чью могилу я оплакивала все эти годы?

– Она пуста. Чистой воды бутафория.

Бабушка вскрикнула, хватаясь за сердце:

– Господи! Отец наш небесный... да как же это? Как? Я же своими руками доченьку земле придавала!

– Сразу же после погребения и перезахоронили, Валентина Степановна. Ты уж не серчай. Да только такова воля Ма-

ринкина была.

Голова шла кругом. По вискам точно отбойным молотком орудовали. Лиза поморщилась.

– Есть ли хоть одно событие в моей жизни, Аркадий Михайлович, к которому вы не приложили руку?

– Полагаю, вопрос риторический. Уверяю, лучше заняться насущными делами. Собирайся. Не тяни время. Путь не ближний. Вполне реально опоздать на прием.

– Какой прием?

– Знамо дело. К гинекологу.

– Что?

Взбодрилась девушка мгновенно. Словно в чан с родниковой водой ее окунули с головой и вынырнуть не позволяли.

– Твой дядя желает убедиться, что ты чистая. Без приплода. Впрочем, и мне знать необходимо.

– Я не беременна!

– В таком случае тебе нечего бояться.

Ее затрясло. Что за беспардонность? Как можно такие личные вопросы обсуждать при посторонних? Хоть Матвей и молчал, слышал-то мужчина прекрасно. Еще и взглядом вперился, того и гляди дыру просверлит. Было неловко и стыдно. Хоть сквозь землю провались! Жаль только, Похомов этого не замечал. Или же попросту игнорировал.

– Откуда в тебе подобная уверенность? – продолжил он, будто непринужденную беседу вел. – Вы предохранялись?

– Не...нет! Ни разу.

– Тогда ты не можешь знать наверняка.

Это уже голос Верещагина разрезал пространство, точно нож кусок масла. Сухой. Колючий. Даже злой.

От неприятных ощущений Лиза передернула плечами в надежде скинуть с себя тяжелую энергетику.

– О том и речь. Ты проверишься.

– Хорошо, – пошла девушка на компромисс. – Но в больницу не поеду. Просто в следующий раз привезите мне тест на беременность. Не хочу лишать вас спокойного сна. А потому уверяю, волноваться не о чем.

– Ты говорила, они неточны.

– Я соврала. К тому же защищала подругу. Простительно.

Казалось, спустя целую вечность Похом кивнул. А в Лизиной душе поселились сомнения. Из-за гормональных сбоев ее цикл всегда был нестабильным, с постоянными задержками. И довольно длительными. На этом же фоне не вызревали фолликулы, и как следствие – не наблюдалось овуляции. Врачи говорили, что в будущем на момент планирования беременности придется принимать препараты, стимулирующие рост яйцеклеток. Потому-то Лизавета и не опасалась незащищенного секса. Но теперь...

Что если... если?

Нервно сглотнув, она с опаской посмотрела на Аркадия Михайловича:

– А вдруг я ошибаюсь? Что тогда?

На этот раз мужчина молчал еще дольше, заставляя кон-

чики пальцев леденеть. От его ответа и на лбу вовсе выступила противная испарина.

– Мы вынуждены будем принудить тебя к аборту.

* * *

Как на ногах оказалась, сама с трудом понимала. Да только в тот конкретный момент стало ясно: все, это предел. Вот и подскочила Лиза, будто ужаленная. Словно кто-то за левым плечом, не переставая, нашептывал на ухо, наполняя душу клокочущей яростью. Руки тряслись. Чтобы скрыть свое состояние, уперла кулачки в бока, стараясь принять устрашающий вид. Взирая на мужчину сверху вниз, задавалась всего одним вопросом: как же так получается, что, даже нависая над ним, она чувствует себя букашкой, трепещущей перед башмаком хозяина?! Злость овладевала Лизой все больше, оттого и угрожающе зашипела, совершенно не узнавая собственного голоса:

– Благодарю за заботу, но в нашей стране именно мать принимает решение относительно ребенка. И если я окажусь в положении, справлюсь как-нибудь без ваших с дядей советов!

– Боюсь, ты не осознаешь серьезности ситуации. – Ни один мускул не дрогнул на каменном, точно из мрамора вырезанном лице. – Речь идет о возможном ребенке будущего смотрящего! Скажи, ты в состоянии представить хоть на

мгновение, какие последствия повлекут за собой подобные обстоятельства? Что с Дмитрием могут сделать, имея такой рычаг давления? Да его не просто в бараний рог скрутят. Его в порошок сотрут! А он... перед шакалами на коленях ползать будет, да один хрен – ничего не сможет изменить. Боязнь за жизнь и безопасность собственного дитя – самый короткий путь к гибели. Именно поэтому никто не станет спрашивать, Лиза. Пикнуть не успеешь – проблема будет решена. И он об этом не узнает.

Половину слов она не понимала. Из-за страха, пронзившего все нутро, неугомонное сердце надрывно колотилось о ребра. Уши закладывало от стука собственного пульса. Но Лиза не пошатнулась. Нет. И не отступила, как сделала бы раньше. Более того, уверенно приблизившись, мягко опустилась на диван рядом с Аркадием. Нежно сомкнула дрожащие ледяные пальчики на сильных, пылающих огнем ладонях, вызывая недоумение у собеседника. Зачем? Ответа не было. Возможно, подсознательно защиты искала.

А Похом... хмурился, изучая ее все пристальнее. Будто пытался просчитать все действия и реакции, да ничего у него не выходило. Лиза смело и довольно выразительно заглянула в глаза, столь напоминающие глаза мужа. Только более суровые и... равнодушные. Похомов не отнял рук. Наоборот, принялся осторожно отогревать девушку, аккуратно разминая косточки, разгоняя кровь. Нежность была случайной.

Лиза была уверена, что не замечает Аркадий собственных

действий.

Пользуясь моментом, Лизавета произнесла спокойным и ровным голосом:

– Я хочу, чтобы вы кое-что запомнили и обязательно передали мои слова дяде Боре.

Что же, его внимания она однозначно добилась – смотрел в упор. Не мигая. От подобного взгляда по спине мурашки расползались.

Молчание затягивалась. Прерывая его, мужчина кивнул – мол, слушаю, и Лиза продолжила севшим из-за сдерживаемого волнения голосом:

– В каком-то фильме говорили: курица за своего цыпленка способна и кошку заклевать. Знаете, тогда смысл фразы был мне непонятен и казался смешным. А сейчас вот, стоило представить, что могу малыша под сердцем носить, и осознала – наверное, правда. Ведь я готова на убийство при одной мысли, что моего ребенка кто-то захочет лишить жизни. И совсем неважно, кто это будет. На себя мне плевать. Но не на него. Я от кого угодно отрекусь, на предательство пойду, если почувствую ваше желание причинить ему боль. Скрутите, как ягненка беспомощного, и силой аборт сделаете – отомщу.

– Грозная малышка, как погляжу! – протянул задумчиво Похомов. – А щеки-то надула – скоро лопнут от натуги. Да все зря. Как мстить-то будешь?

Упомянутые секунду назад щеки обожгло румянцем пра-

ведного гнева. Не воспринимает всерьез ее слова! Не затрясло, и на том спасибо. Так, слегка передернуло...

– Довольно просто, – обиженно ощетибилась девушка. – Вам – с помощью Дмитрия. Найду способ выйти с ним на связь и все ему расскажу. А потом буду упиваться отмщением, наблюдая, как единственный сын отворачивается от вас, своих родителей. Ни он, ни ваша супруга не простят подобного. Никогда. Мы же оба понимаем это, не так ли?

– Хм! – одобрительно хмыкнул Похомов.

Одобрительно, черт бы его подрал! Лиза тут же одернула себя. Нельзя так думать о собственном свекре. Каким бы он ни был!

– А Прокурору – так еще проще: переметнусь в стан врага. Его единственный кровный родственник уйдет к... Зарутскому. – В горле ком встал, душа протестовала, даже мысли подобной не допуская. Лиза ненавидела Макара. Люто! Но, как говорится, взялась блефовать – иди до конца. – Через себя переступлю, но уйду. Родители бы поняли мои мотивы и не осудили. Прикинусь его дочерью, которой он так желает меня признать. Буду ласково папочкой называть, рюмку водкой наполнять. А потом его же руками... в общем, молитесь, чтобы я оказалась не беременна!

Господи! Что за чушь она несет? Лиза внутренне от собственных слов содрогалась, однако только вымученно улыбалась.

– Удивила, Лиза! – с нотками шального веселья в голосе

заметил Похомов.

У нее глаза на лоб полезли. Ему было ВЕСЕЛО! Да он играл с ней!

– Удивила, девка. Не ожидал. Гляди-ка, все продумала, просчитала. До мелочей. Логично вроде, четко, по понятиям. Один вопрос к тебе, – сверля девушку взглядом, он крепко сжал ее пальчики. Не до боли, но так, чтоб не вырвалась. – А сможешь, олененок?

Лиза, как бы это глупо ни выглядело сейчас, предпочла промолчать.

Понял. С самого начала знал, что она блефует.

– Хорошая попытка, Лиза. Действительно хорошая.

– Вы тоже хороши! – не выдержав накала, повисила она голос. – И вравду сможете убить собственного внука? Сможете, даже зная, что моя предполагаемая беременность – возможно, единственный шанс Димы на продолжение рода?

Полностью игнорируя ее присутствие, Аркадий Михайлович поднялся с дивана и размеренным шагом направился к столу, за которым притихла бабушка, и, наоборот, оживился Матвей. Похомов на ходу избавился от пиджака, повесив его на спинку свободного стула, снял запонки, положил на белоснежную скатерть. Рукава рубашки закатал по локоть, обнажая множество непонятных татуировок. Затем он снял массивные золотые часы, крупный перстень с множеством камней, обручальное кольцо, крест с цепочкой и зажим для галстука. Со смесью недоумения и настороженности девушка

наблюдала, как все его личные вещи оседают на столе. Моргала – и то через раз, страшась пропустить что-то важное. Когда мужчина, схватившись за ремень, одним резким движением, практически рывком, выдернул его из петелек брюк, Лизавета не выдержала. Тоже вскочила на ноги, от волнения заламывая пальцы.

– Что вы делаете? – Голос охрип и предательски дрогнул. Пороть ее собирается? До рукоприкладства дойдет?

Похомов замер, окидывая Лизу цепким взглядом, который остановился на ее руках.

– Занятная цацка, дорогуша, – будто и не слышал вопроса, он кивнул на кольцо. – Снимай!

Горло сжал болезненный спазм. Неужели догадался? Говорить удавалось с трудом. Но и молчать было нельзя.

– Нет, – проговорила Лиза, едва не закашлявшись от невероятной сухости во рту. – Оно – мамино. Не сниму!

– Не припомню у Маринки подобной вещицы, – задумчиво и отстраненно заметил мужчина.

Колени затряслись, угрожая подкоситься в любую секунду. Вот-вот, еще мгновение, и Аркадий Михайлович уличит ее во лжи...

– Забавно! Вы что же, проверяли каждое украшение, которое дарил ей мой отец после очередной супружеской ночи? – Лучшая защита – нападение. – Или, быть может, все гораздо серьезнее, и вы даже свечку держали?

Черт! Да у нее, похоже, раздвоение личности! Не иначе,

раз сама не понимает, что несет. А главное, когда? Свой голос Лиза словно со стороны слышала...

Мужчины загоготали, да так громко, что слух резануло. Что ж, похоже, она нашла с ними общий язык. А бабушка лишь руками всплеснула, в сердцах проворчав:

– Батюшки! Говорили в свое время старые люди: и станут девицы – бесстыжие лица! Вот, пожалуйста. Своя такая!

Фыркнув, Лиза отвернулась. Внимание привлек голос Верещагина:

– Похом, правду девчонка говорит. В шкатулке украшения нашла. При мне было, сам видел.

Ух, от сердца отлегло. Захотелось даже поблагодарить Матвея за поддержку. Перехватив вопрошающий взгляд Аркадия, усиленно закивала, подтверждая слова последнего.

– Мамино! – Кажется, в какой-то момент девушка и сама начала в это верить.

– Ну, носи тогда, че... Чего добру-то пропадать, да?

Наверное, до этой фразы Лиза и не дышала вовсе. Оттого столь глубоко и жадно втянула сейчас в себя воздух.

– А пока снимай! – припечатал Похомов грозным рыком. – Серьги и крест тоже на стол. Позже заберешь.

Перечить и далее смелости не хватило. Послушно все сняла и сложила в аккуратную кучку.

– Матвей, ступай, предупреди Валька – по сопровождению отбой. Мы с олененком прогуляемся. Вдвоем. Увижу кого рядом – там и положу.

Странные ощущения. Очень странные...

Они шли вдоль берега местной речушки неторопливо, как старинные друзья, и поддерживали непринужденную беседу. Глупую и, казалось бы, бессмысленную. Вот какое Лизе дело до того, что Мария Петровна любит полевые цветы? Васильки, если быть точнее. Да и Похому наверняка неинтересно было слушать, как дед Митя учил Лизу ловить рыбу и раков. Но мужчина слушал. Наводящие вопросы задавал. В какой-то момент сорвал травинку и подобно юному парнишке потянул в рот.

Расслаблен и собран одновременно. Разве так бывает?

Вскоре они добрались до озера. Аркадий, не заботясь о чистоте одежды, опустился прямо на бархатный песок. Не дожидаясь приглашения, Лизавета устроилась рядом. Когда-то здесь был прекрасный пляж, о котором знали лишь местные жители. Сейчас же он стал диким и безлюдным. Как минимум треть берега поросла травой и мать-и-мачехой. Подобная картина наталкивала на грустные мысли – нет в жизни ничего вечного. Просто нет. Однажды все обратится в тлен.

Погрузившись глубоко в свои мысли, девушка бездумно теребила пустой средний палец правой руки. Тот самый, на котором носила обручальное кольцо и за столь короткий промежуток времени успела слиться с ним воедино. Истолковав сей жест по-своему, Аркадий заговорил:

– Как думаешь, Лиза, почему я всю шелупонь с себя снял

и тебя заставил?

Поразмыслив некоторое время, она лишь пожала плечами.

– В моем окружении завелась крыса, – выплюнул Похомов гневно, глядя вдаль. – Возможно, и не одна. Кто – не знаю, пока не вычислил. Осторожничает, гад. Но кишками чувствую разрастающуюся за спиной гниль. Как нарыв, который необходимо вовремя вскрыть и обеззаразить.

Казалось, внутренности заледенели, несмотря на палящее солнце. Не в силах даже пошевелиться, Лиза таращилась на Похома расширившимися от запоздалого понимания глазами:

– Думаете, вас прослушивают?

– Не думаю. Знаю!

– В тех вещах могут быть «жучки»?

– Вполне вероятно.

– Но как вы...

– На Сокола напали.

– Чт-то? Паша?

– Подрихтовали профессионально. Но жить будет. Серьезных повреждений нет. А вот Лорку его... завалили девушку.

Сдерживая рвущийся наружу крик, Лиза зажала рот дрожащей ладонью. Как? Господи, как?

– Застали врасплох. Одному уроду Сокол лично шею свернул. Другой сам себе пулю в голову пустил, опасаясь ме-

сти разъяренного парня.

Ни живая ни мертвая – по-другому ее состояние невозможно было описать. Лихорадило, как при сильнейшей простуде. Лиза едва слезы сдерживала от сочувствия девушке. И Пашке. По последнему и вовсе сердце ныло. Понятно теперь, почему вечерами с Димой водку хлещет.

Да только боль от потери алкоголем не залить.

– А самое интересное во всей этой истории – прятал-то ее я. В благодарность за помощь с тендером. О местонахождении Ларисы знали лишь мои люди. Шваль, продавшая меня, ходит где-то рядом.

– Зарутский? Он стоит за всем?

– Макар – пешка. И тогда. И сейчас. Пешка, наделенная крупницей власти. Его руками действует Москва. А конкретно – урка... то есть вор в законе Гарик Пескарь.

– Кто?

– Игорь Пескарев – человек, на чьих руках реально кровь твоего отца. Тот, кому Макар сдал Черчилля в надежде за получить Маринку.

– Он... жив?

– Пока еще на тот свет не отправили.

Что-то щелкнуло в голове в тот миг. Стало жутко. По-настоящему жутко. И похоже, ее состояние отразилось на лице, потому как Аркадий тут же принялся успокаивать:

– Не нужно бояться, олененок. С тобой мои лучшие бойцы. Плюс Ювелир под боком. А он как минимум трех тол-

ковых ребят стоит. За тебя я спокоен.

Голова шла кругом. Мозг плавился.

Хватит трястись. Трезвый ум. Нужен трезвый ум.

Лиза, как в одежде была, так в озеро и вошла, несколько раз окунаясь с головой. Нижние слои воды не прогревались, а потому тело обожгло холодом. Зато взбодрило вмиг.

– Вернемся домой? – Лиза вопросительно взирала на мужчину, выжимая волосы. – Есть хочется.

Похомов поднялся, небрежно отряхивая брюки.

– Наш разговор в гостиной... чисто на публику? – уточнила она осторожно. – На случай возможной прослушки, так ведь?

Он следил за ней с легким прищуром.

– Я похож на балабола, дорогуша? Все более чем серьезно.

– Что ж, – равнодушно пожала плечами Лиза, хоть внутри от волнения все спиралью стягивалось, – жду не дождусь, как отреагирует на мои слова дядюшка!

– Готовься к суровой реальности. Прокурор в ярости – зрелище не для слабонервных.

Любого противника можно сделать союзником.

– Мне не страшно, – выдавила из себя улыбку девушка. – У меня есть тот, кто способен его усмирить.

Муж и свекр.

– Что бы это значило?

– Вы полюбите меня, Аркадий Михайлович! Станете дорожить мной так же, как когда-то дорожили моей матерью.

Даже сильнее, если вдруг окажется, что я ношу под сердцем вашего внука. И защищать будете, как бы ни отрицали сейчас. Я в этом уверена. – И, не обращая внимания на ошавший взгляд Аркадия Михайловича, она схватила его под локоть, разворачивая в сторону деревни. – Поторопимся же. Хочу есть!

Глава 2

Визит на кладбище пришлось перенести – Лиза морально не была готова к принятию истины. Не укладывалось в голове, что мать покоилась все эти годы в совершенно другом месте. К невероятному облегчению, Аркадий Михайлович настаивать не стал. После их небольшой прогулки он вообще поглядывал на нее странно. Хмурясь, с глубокой задумчивостью. Все чаще потирал переносицу, отводя взгляд в сторону. Либо мужчина принимал какое-то важное решение на ее счет, либо у нее просто-напросто начала развиваться паранойя – во всем искала подвох.

Как только они вернулись домой, Лиза первым делом вцепилась в свое кольцо, возвращая его на палец, чем вызвала недовольный взгляд Валентины Степановны. Махнув на внучку рукой, будто ничего не в силах сделать, бабушка тут же велела накрыть стол в беседке и угостить всех деревенским травяным чаем. Девушка восприняла просьбу с энтузиазмом – работа по дому помогала отвлечься от тягостных мыслей. Вскоре все мирно беседовали за большим дощатым столом, укрытым старинной скатертью с ручной вышивкой по краям, и потягивали горячий ароматный напиток. Складывалось впечатление, что присутствующие мужчины являлись родственниками или же хорошими знакомыми, способными поддержать разговор и время от времени пошутить

друг над другом. Несмотря на суровый вид каждого из них и наличие огнестрельного оружия, которое они даже не прятали, отождествлять гостей с бандитами Лизавете не хотелось. Очень не хотелось!

Глупо и безрассудно столь явно обманываться, но так ей было легче.

– Как насчет пробежки сегодня перед сном? – привлек ее внимание Данила, слегка толкнув плечом. Сидел на лавке рядом с ней, вот и воспользовался ситуацией. Но сделал это столь неожиданно, что девушка поперхнулась чаем и зашла в приступе кашля. Едва отдышавшись, шутя пихнула соседа в ответ.

– Судя по всему, меня в гроб ты загонишь, а не Макар! Распускайте охрану, Аркадий Михайлович. Даня уже рядом!

Грубый мужской хохот эхом разнесся по двору. Даже невозмутимый Похом едва сдерживался – уголки губ подрагивали. Посыпались одобрительные, ничего не значащие реплики в ее адрес: «Огонь-девка»... «Во дает!»...

Лишь Валентина Степановна перекрестилась:

– Святые угодники, дайте дитю ума! Сама не ведает, что бормочет!

– В его интересах беречь тебя как зеницу ока, – отозвался Аркадий, растягивая губы в зловещей ухмылке. – Головой собственной отвечает.

– Можешь спать спокойно! – ничуть не испугавшись, подмигнул ей младший Верещагин. – Мне головушка еще нуж-

на.

– Правда со мной побежишь? – решила перевести разговор в менее опасное русло Лиза. – Все пять километров?

– А чего нет-то? Побегу! Я на харчах твоей бабки за эти дни килограмма четыре наел. Пора сгонять. Уже вон выговор от братана получил – жиром заплываю!

Бросив мимолетный взгляд на Матвея, чуть не поперхнулась во второй раз. Смотрел он столь внимательно и проникновенно, что не по себе стало. Поспешила отвернуться.

– Хорошо, – сосредоточила Лиза внимание на Дане, – но учти – я быстро бегаю. И ждать тебя не...

Пронзительный женский визг заставил замолчать на середине фразы. Знакомый голос и родной до боли.

Наконец-то! Сердце чуть из груди не выскочило.

– Моя! Я нашла!

– Обойдешься!

– Отдай!

– Она грязная! С земли! Понимаешь?

– Я хочу эту ягодку!

– А я хочу потрогать силиконовые сиськи Памелы Андерсон, прикинь?!

– Гордеев, я тебе сейчас вмажу! – вопила Соня. – Верни мне мою земляничку, ворюга!

Не помня себя от счастья, Лиза рванула к калитке. И плевать, что кружку с горячей жидкостью на себя опрокинула. Что коленкой о дверной косяк ударилась, да так, что искры

из глаз посыпались. Все на второй план отошло. И боль, и возможные последствия в виде обширной гематомы. Но на шаг перешла, лишь когда их увидела. Так и замерла с глупой счастливой улыбкой на лице метрах в тридцати от долгожданных гостей.

Господи, как же она по ним скучала! Словами не передать...

Друзья практически добрались до ее дома, когда Соня совершила невозможное – заметила среди травы вымирающую от засухи землянику.

– Сначала помоем ее, хорошо? – как маленькому ребенку втолковывал Андрей.

– Нет! – упрямилась Алмазова, пытаясь дотянуться до поднятой над головой мужской руки. – Я, может быть, грязную хочу!

– Господи, ну что за дура?! Нельзя теб...

– Отдай, сказала! – подпрыгнула девушка.

Лиза разглядывала друзей, что называется, во все глаза и не могла налюбоваться. Соня в легком летнем ядовито-желтого цвета платьице свободного кроя и без рукавов. Аккуратные сандалии без единого намека на ее любимые каблукы смотрелись на ней необычно, но вместе с тем невероятно женственно. Гордеев облачился в джинсовые шорты и футболку с изображением космонавта. На широченных плечах он нес дорожный рюкзак.

Хорошо подготовились. Их вполне можно было принять

за дачников.

– За поцелуй целое ведро подарю! – окликнула их Лиза звонким голосом.

Поляну огласил новый визг, но уже радостный. Соня бросилась к ней со всех ног, да куда ей против Гордеева! Вмиг скинув рюкзак на землю, ринулся в сторону Лизаветы, обгоняя Алмазову. Кто-кто, а подруга без боя сдаваться не собиралась – схватила парня за рубашку:

– Я первая!

– Ага, мечтай! – сбросил он ее руку.

Каким-то чудом подруге удалось обойти парня, но теперь уже Андрей задержал ее, схватив за ворот платья:

– Имей совесть, Белоснежка! Ты всего несколько дней ее не видела, а я почти две недели!

– Не аргумент!

Лиза, уперев руки в бока, закатила глаза. Они могли делать это бесконечно – препираться. А потому, поразмыслив пару секунд, сама бросилась в их объятия. Гордеев оказался проворнее – перехватив, крепко прижал к себе и закружил. Сильно, заставляя забыть обо всех невзгодах и хохотать как сумасшедшую. Поставив на ноги, все так же сильно обнимая, расцеловал в обе щеки.

– Лиза, – проговорил он нежно, с придыханием, – Лиза, родная моя!

– Соколовская плохо влияет на его словарный запас. – Соня втиснулась между ними, одаря подругу своей порцией

жарких приветствий. – Уже двух слов связать не может. Скоро начнет общаться фразами «о, да», «еще» и «быстрее»!

Андрей фыркнул, а девушки заливисто рассмеялись. Так и стояли, спаивая воедино тела и души, опасаясь размыкать объятия. То, что казалось хрупким, на самом деле было прочнее титана. Счастье – вот что чувствовала Лиза в тот момент каждой клеточкой своего естества.

– Так случается, если все свободное время проводить в постели, – поддела друга, – вообще разговаривать разучишься!

– Ах вы! – беззлобно зашипел молодой человек. – Матрешки!

В следующее мгновение на девушек обрушилась такая порция щекотки, что обе скорчились, похрюкивая от невозможности сдержать истерический хохот.

– Ну, держись! – кое-как промямлила Лиза, уворачиваясь от его пальцев.

Отбежав от обеих на безопасное расстояние, Гордеев свистнул. Да так, что уши заложило.

– Ирод! – схватилась за виски Алмазова. – Нас не жалко, хоть о племяннике подумай!

Парнишка гортанно закричал:

– Валентина Степановна, где вы там?

– Ой, батюшки! – Бабушка уже спешила навстречу, раскинув руки в стороны. – Андрюшенька, Сонечка! Какими же судьбами-то, миленькие мои?

– Здравствуйте, дорогая вы наша! – Гордеев крепко обнял старушку, показывая подругам язык. Демонстрируя, какого союзника заполучил в свои сети. Учитесь, мол! – Скучали?

– Ой, скучала, сынок! Скучала.

Ничего не оставалось, как отложить разборки на потом. Алмазова, держа Лизу за руку, легкой походкой направилась к Валентине Степановне.

– Здравствуйте, баба Валя...

Когда объятия и приветствия закончились, все проследовали за хозяйкой дома во двор. В тот же миг Соня заметила колонку и подключенный к ней шланг. Перехватив вопросительный взгляд, Лиза кивнула, хитро прищурившись. Еле сдерживала рвущийся наружу смех. Все произошло быстро. Практически не сговариваясь. Она открыла воду, а Алмазова направила струю прямо на Андрея с победным кличем:

– Лови-ка ответочку за МОЮ ягодку, Гордеев!

Мгновение спустя друга можно было выжимать. Парнишка, впрочем, этим и занялся. Пыхтя, но явно сдерживая улыбку, стянул мокрую футболку и скрутил ее в руках. Затем, повесив на ближайшей веревке, развернулся к хихикающим девушкам:

– Капец вам! – произнес он грозно, заставляя обеих броситься в рассыпную.

Первой в его лапы угодила Соня. И как ни извивалась, как ни брыкалась, все равно оказалась в огромном чане с

водой, который бабушка использовала для полива огорода. Благо, вода успела прогреться до состояния парного молока. Ее участь постигла и Лизавету – от смеха она не могла достойно сопротивляться. А потому, и только потому, через пару секунд сидела рядом с Алмазовой.

– Утомонились или продолжим?

– Все, все! – подняла ладони вверх Соня. – В расчете.

– Дрю, помоги выбраться.

Он осторожно вытащил подруг из чана, попутно отчитывая за беспечность. Ну и пусть. В данный момент все трое были безмерно счастливы.

– Идемте, нужно снять мокрые вещи.

В какой-то момент Гордеев, бегло осмотрев беседку, заметил Похомова и его свиту. Друг практически зарычал, заставляя волоски на коже Лизаветы приподняться от напряжения. Подобрался всем корпусом, будто готовился отразить любую атаку. Мышцы натренированного тела превратились в металл. Удивляя все больше, Андрей довольно грубо запихнул их с Соней за свою спину. Он смотрел прямо в глаза Аркадия Михайловича и угрожающе скалился. Словно являлся не двадцатилетним парнем, а матерым мужиком, прошедшим огни и воды. Без страха, черт бы его побрал! К слову, Алмазова была ошарашена не меньше. Правда, хорошо держала себя в руках. Гордо вскинула подбородок и распрямила плечи.

Господи! Да они же к бойне готовятся!

Сбросив с себя оцепенение, Лиза поспешила прояснить ситуацию:

– Все хорошо. Они не причинят вреда. Все как раз наоборот.

– Ты всегда была слишком доверчивой! – строго осадил ее Андрей. – Тебе угрожают? Запугивают? Скажи честно...

– Я все вам объясню. Правда. Обещаю! Многое встанет на свои места. А пока... пока придется поверить мне на слово!

Позже, когда на землю спустились сумерки, друзья расположились на лужайке перед домом, устроившись прямо на траве. Соня использовала в качестве подушки живот Лизы. А та в свою очередь примостилась на мощный пресс Андрея и слушала размеренный стук его сердца. После ее подробного рассказа (лишь некоторые детали утаила) молчали все. Отсутствие какой-либо реакции со стороны друзей девушка объясняла обычным шоком. Однако в горле стоял ком.

– Я... я пойму, если после этого вы не захоти...

– Не говори глупостей, Рыжик! – рыкнул Андрей, зарываясь пальцами в шелковистые пряди. – Я люблю тебя, усекла? И всегда буду на твоей стороне.

– Как и я! – твердо сообщила Соня. Слегка повернув лицо, девушка подтвердила свои слова мимолетным поцелуем в то самое место, где секундой ранее покоилась ее голова, и улеглась обратно.

На глаза навернулись слезы, отчего Лиза поспешно заморгала.

– Не хочу втягивать вас...

– А чего нас втягивать-то? – отшутился Гордеев. – Сами подтянемся, только свистни. Скажи же, Белоснежка?

– Разумеется! Давай только обойдемся без демонстрации твоих навыков свистового мастерства! – простонала Соня.

– Ой, какие мы нежные...

Такое невероятное облегчение на нее накатило, что невольно хихикнула. Глупо и невпопад, но сдержаться не смогла. Все страхи и предрассудки испарились, подобно росе в обеденный час.

Алмазова, улучив момент, схватила за руку, приложила ладонью к своему животику:

– Будете крестными?

– На меньшее я и не рассчитывал!

Лиза кое-что осознала в тот миг:

– Господи! Ты решилась!

– Да... Да!

– Моя красавица!

– Более того... он мне предложение сделал! Лизка, я замуж выхожу!

Девушка сжала подругу крепко-крепко, желая поддержать в столь радостный миг. И своим счастьем поделиться хотела. Да только не могла. От досады губу прикусила, чтобы лишнего не сболтнуть.

– Интересное дельце, – раздался за их спинами разгневанный мужской голос, заставляя испуганно вскрикнуть. – И кто

же у нас этот стопроцентный смертник?

Соня, очевидно, не веря в происходящее, подорвалась точно ужаленная.

Ошалевшим взглядом уставилась на неожиданного свидетеля их разговора и прошептала внезапно севшим голосом:

– Папочка?

* * *

Мгновение спустя, когда оторопь отпустила, Соня, не обращая никакого внимания на серьезный вид отца и не менее грозный вопрос, бросилась к родителю на шею. Всклипывая, вжимала в него свое трясущееся тельце и осыпала щетинистые щеки влажными поцелуями.

Такая ранимая и беззащитная. Это зрелище отзывалось в душе тупой болью. Страхом за близкого человека. Лиза поспешила отогнать от себя тяжелые мысли. Не время предаваться унынию. Только не сейчас. Она протянула руки Гордееву, призывая на помощь. Друг рывком поставил ее на ноги и, притянув к себе, шепнул на ухо:

– Они с Лехой решили держать все в тайне вплоть до его возвращения.

Лиза кивнула, подтверждая, что также станет молчать. Не вопрос!

– Папочка! Папочка! – приговаривала Соня точно заведенная. – Слава богу! Живой. Как же мы с мамой волнова-

лись...

– Принцесса...

– Я так рада, что ноги отнимаются! Странно, правда?

– Только ноги? Как мне показалось, мозг тоже!

– Папа! – возмущенно воскликнула Алмазова, уперев руки в бока. – Хоть представляешь, что с нами было? Ты уехал к другу в другой город... и исчез! Мы себе места не находили. Я чуть условия Зарутского не приняла! Да если бы не Дмитрий...

Алмазов торопливо чмокнул дочку в лоб и буквально оторвал от себя:

– Полно тебе, моя хорошая. Что со мной станется-то? Рано еще отца со счетов списывать!

– Извини. – Подруга стерла с лица соленую влагу, явно стесняясь столь бурного проявления эмоций. – Ты здесь. Рядом. Теперь все будет хорошо.

– Соня?

– Ты у меня самый лучший, – тараторила девушка, словно от столь пафосных речей зависела ее жизнь. Хотя в каком-то смысле все именно так и было. – Смелый и сильный.

– Зубы мне не заговаривай! – строго осадил дочь Алмазов. – Я прекрасно слышал вашу милую беседу.

Соня поникла. Поняла, видимо, что отца обвести вокруг пальца не выйдет. На выручку пришел Гордеев, перетягивая внимание на себя.

– Петр Петрович, какая приятная встреча!

– Здравствуй, Андрей. – Мужчина пожал протянутую руку. – Как ты? Как брат?

– Брат весь в делах. А я, как всегда, предоставлен сам себе.

– Обида в твоём голосе, или послышалось? – Поразительная проницательность. Друг натянуто улыбнулся, но не нашёлся с ответом. А вот в планы Петра молчание не входило: – Послушай-ка, парень, Алексей не подарок. Знаю. Однако больших высот в своей жизни достиг. И не сложил лапки – карабкается все выше. Дальше. Вперед. Ты должен им гордиться. Он, как никто другой, достоин уважения. Особенно твоего! Ты – его плоть и кровь!

Лиза едва смехом не закатилась при взгляде на подругу. Вот уж кто и уважал, и гордился, и сиял пуще начищенного самовара!

– Знаю, – согласился молодой человек. – Вы правы. А обида... не хватает мне его. Все мечтаю, чтобы женился поскорее, – Андрей не удержался – все же подколол Соню. – Возможно, семья заставит его проводить больше времени дома и уберёжет от длительных командировок.

Алмазов ободряюще похлопал парнишку по плечу. Держись, мол!

– Зря надеешься. Тебя раньше женим!

– Почему это? – упрямо топнула ногой подруга. – Влюбится и женится!

Петр Петрович лишь фыркнул:

– Собирался он однажды. Ничем хорошим не кончилось.

Едва ли когда-нибудь решится на второй заход.

Соня пошатнулась – сказывалось напряжение. Лиза поспешила встать рядом и незаметно приобнять за талию.

– Спокойно, – шепнула она на ухо. – Лучше спросить ЕГО об этом.

– Лешик рассказывал, – судорожно вздохнула Соня. – Вскользь упомянул. Без подробностей.

Андрей истерически загоготал:

– Леха? Не-е-ет! Ерунда какая-то. Бред! Я бы знал, будь у него невеста. Вы путаете...

– За словами следи, малой! – осадил молодого человека Петр. – Юность – она такая. Глуп как пробка был. Ему же тогда едва восемнадцать стукнуло. Доверился девке. Ослеп от любви. А она его облапошила. И довольно-таки умело для столь нежного возраста. На всю жизнь урок.

– Охренеть! – коротко и ясно обрисовал ситуацию Гордеев, разводя руки в стороны.

– Оставлю вас ненадолго, – как можно беззаботнее улыбнулась Алмазова, решительно направляясь в сторону дома. – Нужно позвонить...

Однако и пары шагов сделать не успела.

– Стой, где стоишь! – рявкнул на девушку отец. Да так, что Лиза с Андреем на пару вздрогнули и сочувствующе переглянулись. – Вернемся к насущным проблемам.

– Папа...

– Кто он?

– Кто?

– Человек с отсутствующим инстинктом самосохранения и повышенной ломкостью костей!

Соня очень медленно, будто на ватных ногах подошла к родителю и вложила дрожащую ладонь в его огромную пятерню.

– Нам есть что обсудить, – произнесла она тихо. – Прогуляемся?

* * *

– Может, стоило пойти следом? – взволнованно спросил Андрей, как только Алмазовы скрылись из вида. – Вдруг он ее... того! И прикопает в лесочке... Эй, ты чего?

Лиза, не выдержав, отвесила другу приличный подзатыльник:

– Хватит нести чушь!

– Вообще-то, с ними мой племянник! Я переживаю. Гордеевы своих не бросают!

– Тоже мне, великий уравнитель! Они – родные люди. Как-нибудь поймут друг друга без нашей помощи.

Лиза уверена была, что Соня найдет нужные слова, чтобы убедить отца в правильности своего выбора. Чтобы показать всю глубину и многогранность своих чувств.

– Ага, конеч... —

В его кармане завибрировал мобильник. Друг, расплыв-

шись в мечтательной улыбочке, принял вызов.

Улыбка озарила и Лизино лицо: Вика времени зря не тереяла. Почти добилась взаимности. Дрю... поплыл!

Скрипнула калитка. К ним приближался Данила.

Черт! Совсем забыла! Лиза едва себя по лбу ладошкой не хлопнула. Скорчив виноватую гримасу, двинулась навстречу мужчине:

– Даня, прости...

Брови Верещагина удивленно поползли вверх:

– За что?

– Пробежку придется перенести на завтра.

– Не вопрос.

Он протянул ей что-то. Девушка схватила предмет машинально. И время остановилось. Лиза отсутствующим взглядом рассматривала свой новенький паспорт в красивой, стильной обложке из крокодиловой кожи. От волнения пальцы задрожали, а ладони покрылись испариной.

«Похомова Елизавета Кирилловна», – гордо гласил документ.

Не Леонидовна. Больше нет. Настоящее отчество!

Секунда. Вторая. Еще один удар сердца и взмах ресниц...

Торкнуло наконец! Будто по голове хорошенько приложились увесистой сковородкой!

– Откуда... он у тебя?

Острый взгляд глаза в глаза:

– Ты знаешь.

Кровь отхлынула от лица, превращая девушку в некое подобие мраморной статуи. Бледной и холодной. Казалось, даже сердце замедлило свой ход, угрожая полной остановкой. От нехватки воздуха перед глазами поплыло. Она задышала глубже, жадно поглощая кислород, однако едва ли ей стало легче.

Дура! Какая же дура!

– Предлагая мне пробежаться, – прокаркала Лиза хриплым старческим голосом, – ты имел в виду... Боже!

Данила смачно ругнулся:

– Не поняла, значит...

– Нельзя было прямо сказать? – вспыхнула она не на шутку, выплескивая на мужчину ярость и сожаление. – На какой черт мне сдались твои ребусы? Неужели не видишь, как тяжело мне дается разлука? Я ведь... я... схожу с ума, не видя его лица...

– Успокойся! – оборвал он строго. Точно родитель, останавливающий нашкодившего ребенка. – Отчасти это и его решение.

– Не верю! – Лиза смахнула с щеки предательскую слезу. – Он был здесь!

– Был. Но уехал.

– Почему?

– Решил, что общение с друзьями тебе сейчас нужнее. На пользу пойдет. Отвлечешься.

– Верни его, Данечка! – Лиза мертвой хваткой вцепилась

в мужскую футболку. – Пожалуйста...

– Он уже далеко, – прозвучали подобно приговору слова. – Выйдет на связь, как сможет.

* * *

Кажется, заложило уши. От чего, Лиза сама не понимала. То ли от сильного порыва ветра, то ли от шума собственного пульса. А может быть, от его ответа, который совершенно не хотела принимать?

А... плевать!

В данный момент все стало столь неважным, тусклым и второстепенным, что Лиза даже не пискнула, когда Данила крепко, явно не контролируя силу, сжал ладонями ее плечи и хорошенько встряхнул.

– Эй! – приглушенно звучал его настороженный голос. – Ты в порядке?

Серьезный захват. Болезненный. Да только Лиза и бровью не повела. Будто парализовало, и все тут. Мысль скинуть с себя чужие руки, конечно, промелькнула, только вот сил все равно не хватило бы...

– Лиза?

Встрепенувшись после очередного оклика, она отступила на шаг. И он позволил – почувствовав в ней признаки жизни, тут же ослабил хватку.

– Позвони ему, – несмотря на внутренний раздрай, ее го-

лос звучал ровно.

Верещагин остался непреклонен:

– Нет! Он дал четкие установки по поводу звонков. Есть большая вероятность, что и его слушают! Понимаешь?

Подобная новость удивления не вызвала. Девушка судорожно вздохнула, повторяя про себя точно мантру: «все хорошо, все хорошо!» Это не последняя встреча с Димой. Однако, вопреки голосу разума, плечи поникли. Руки повисли вдоль туловища, как у безвольной тряпичной куклы. Ощущение пустоты. Вакуума. Словно из нее всю радость выкачали.

– Понимаю, – отозвалась Лиза, слабо улыбаясь. – Извини, что накричала...

– Проклятье! – зарычал он вдруг, со всей силы ударяя себя по мощному бедру, чем изрядно напугал девушку. – Он мне голову открутит, ей-богу! Не верю, что делаю это!

– Даня?

– Говорить буду я, – инструктировал он, набирая цифры по памяти. – Ты – слушать и молчать! Уяснила? Лиза... ни звука!

Она столь отчаянно закивала головой, что та должна была непременно отвалиться, но каким-то чудом осталась на месте. Ей хватит и голоса, чтобы выжить. Его голоса. И неважно, что беседовать Дмитрий будет вовсе не с ней...

Данила поставил телефон на громкую связь, жестом заставляя девушку подойти ближе. Пошли гудки. Тяжелые.

Протяжные. От нетерпения Лиза переминалась с ноги на ногу, заламывая пальцы на руках. В какой-то момент на звонок ответили, причем довольно коротко:

– Проблемы?

Ой, мамочки! Колени задрожали.

Этот голос она узнала бы и через сто лет. Глубокий. Выразительный. Властный. С легкой, присущей лишь ему хрипотцой. В моменты сильного эмоционального напряжения он становился еще более хриплым. Стоило признать, его интонация сейчас отличалась. С ней мужчина никогда не разговаривал столь сухо, холодно и отстраненно.

Господи, Дима! Сердце в груди совершило кульбит неральной амплитуды и ухнуло куда-то вниз.

– Вопрос! – так же коротко отозвался Даня, напоминая Лизе о своем присутствии и их маленьком молчаливом уговоре. Впрочем, свой вопрос Верещагин озвучивать не спешил. Вероятно, попросту еще не придумал. Похомов раздраженно рыкнул:

– Разродишься сегодня, или как?

– Старшие заинтересовались ее паспортом – хотят загранку сделать. Перерыли в поисках дом, все личные вещи. Не нашли. Думают, девчонка его на съемной хате оставила. Как объяснить, каким образом документ оказался у нее на руках?

Тяжелый вздох. Протяжный выдох. Судя по всему, Дмитрий курил. Выпускал из себя тонкие струйки табачного ды-

ма. Лиза зажмурилась от удовольствия, в красках представляя картину.

Глупо, конечно... но так создавался эффект присутствия.

– Никак. – Дима смачно затянулся. Всегда так делал, прежде чем затушить сигарету. – Дважды в одном месте искать не станут.

– Ну, как ска...

– И ты это прекрасно знаешь! – прервал он тоном, не терпящим возражений. – А потому скажи мне, друг сердечный, какого дьявола ведешь себя как долбаный дегенерат?

– Это я так... уточнить, на всякий случай. Не хотелось бы перед старшими...

– Уточнил?

– Да.

– Бывай!

Данила вытер лоб тыльной стороной ладони, будто успел покрыться испариной за время столь короткого разговора, и убрал телефон в задний карман джинсов. И если Верещагин в данный момент испытывал лишь облегчение, то Лиза сияла от счастья и безграничной благодарности. Взвизгнув, она бросилась на шею молодому человеку, крепко целуя в щеку:

– Спасибо! Спасибо, Данечка! Ты – лучший! Самый лучший!

Он сначала фыркнул, как будто ересь несусветную услышал, а затем рассмеялся в голос. Искренне. По-настоящему. Редкость для их брата...

– Сумасшедшая девчонка...

– Вовсе нет, – нежно улыбнулась Лиза, отстраняясь. –

Нормальная я!

– Раз нормальная, прекращай меня обнимать и нацеловывать! – выдал он, все еще посмеиваясь. – Влюблюсь же!

– А ты не влюбляйся, – поддержала она шутку, – нервы целее будут. И, наверное, зубы.

– Ребра! – кивнул Даня, вытирая слезы из уголков глаз. – Борзый очень хорошо умеет ломать ребра.

– Тебе виднее.

– Фух, Лиза! – произнес он, полностью успокоившись. – Как могла не понять-то?

Недоуменно пожала плечами:

– Не знаю.

– Логично же. Сегодня ночью дежурит Матвей. Разве мог я увести тебя поздним вечером в лес под иным предлогом?

Действительно... Дура так дура!

– Может, кодовое слово придумаем? – Она виновато потупила взор.

– Например?

– Хм, редиска?

– Редиска?

– Да, – уверенно кивнула Лиза. – Редиска!

– Почему?

– Отошел ее сезон. На огороде этого овоща уже нет. Я точно не спутаю и все пойму. Просто включишь это слово в ка-

кую-нибудь фразу, и все.

У Верещагина задергался уголок рта. Похоже, чувство юмора у человека было на высоте.

– Предлагаешь всякий раз тыкать в несчастный куст томатов со словами: «Лиза, это, случайно, не редиска?»

Представив ситуацию, оба засмеялись. Девушка так вообще пополам сложилась.

– Чего веселитесь? – подоспел Андрей, вдоволь наговорившись с Соколовской.

Данила мгновенно взял себя в руки. Посерьезнел.

– Что ж, пусть будет редиска, – буркнул он, оставляя друзей одних.

Гордеев обнял Лизу за шею, притягивая к себе:

– Странный тип...

– Ага, – ответила она бездумно. Слишком хорошо и спокойно было рядом с другом. – Как там у вас с Викой?

Парнишка напрягся и некоторое время не находился с ответом.

– Дрю?

– Сложно сказать...

– Как это?

Они добрались до лавочки и оседлали ее подобно парным качелям, чтобы оказаться лицом друг к другу.

– Мне нравится проводить с ней время, – начал Андрей задумчиво, – и она нравится. Но...

– Но?

– Вика очень сильно ревнует меня к вам, – признался он. – Старается не показывать, но иногда проскальзывает. Даже припоминала мне тот случай с Соней. На турбазе. Когда мы... по пьяни. Пришлось извиняться и покупать подарок! Представляешь?

Сказать, что стало не по себе – ничего не сказать. Жутко. Да, именно жутко! От одной только мысли, что однажды у друга появится вторая половинка, которая будет против его близкого общения с подругами, в венах стыла кровь. Придется отпустить его? Соня неизбежно останется рядом – будущая жена брата. А как же она, Лиза?

– А от ревности к тебе вообще зеленеет! – подтвердил ее опасения Гордеев. – Кричит, что перекрасит волосы в рыжий цвет, чтобы я начал воспринимать ее всерьез.

– Дрю... когда-нибудь ты женишься. Это неизбежно.

Друг очень серьезно и по-взрослому вглядывался в лицо девушки, а затем произнес:

– Лишь на той, которая сможет понять мою любовь к вам. Которая примет мою семью – всю мою семью – и полюбит ее как свою собственную. Доверие превыше всего. Так ведь?

Лизавета переплела их пальцы. Спаяла намертво:

– Вика – очень хорошая девушка. – Она сглотнула, пытаясь избавиться от вставшего в горле кома. – Приглядиись. А... ее ревность... она вполне понятна. Так реагируют, когда любят.

Андрей еле заметно покачал головой:

– Если она не в состоянии понять наши с вами отношения, рано или поздно придется с ней расстаться. Я не позволю ставить себя перед выбором и из-за чьей-то прихоти терять близких мне людей!

Девушка заливисто рассмеялась:

– Да ты взрослеешь, друг мой!

Позже они обсуждали лишь грядущие тренировки и новую танцевальную программу, которую Ирина Павловна непременно потребует продемонстрировать после отпуска. А совместной репетиции за это время не было еще ни одной, в силу обстоятельств. Приняли решение начать с утра и хорошенько поработать над хореографией, чтобы Андрей и Соня успели на вечернюю пятичасовую электричку.

Вскоре вернулись Алмазовы. Петр Петрович сразу, не проронив ни слова, скрылся в доме. Соня же присоединилась к друзьям. Судя по пунцовым щекам и краснящим заплаканным глазам, разговор с отцом дался ей ой как непросто. Девушка уже не всхлипывала, но все еще тяжело дышала.

– Господи, меня едва не придушили! Пришлось соврать, – оповестила подруга. – Боюсь, что он Лешика... боюсь за него, в общем! Имейте в виду, пока Гордеев не вернется, про моего избранника вам ничего неизвестно. Только, что он старше, живет в другом городе и является отцом моего ребенка. Все! Дадим папуле время успокоиться.

Ночь вступила в свои права стремительно. Менее часа на-

зад были легкие сумерки, а уже темень хоть глаз выколи.

Андрея пришлось разместить вместе с Петром Петровичем и Даней в доме деда Мити. Соне постелили в гостиной на диване. Бабушка мирно спала в своей комнате. Только Лиза места себе не находила. С боку на бок ворочалась. Хоть до ста считай, хоть до миллиона – сна ни в одном глазу. Неспкойно. Неуютно. Совсем. Какого-то черта не то волнение, не то предчувствие накрыло с головой. Словно острой иголкой царапало по оголенным нервам. Зарычав, девушка взбила подушку и улеглась на живот.

Душно. Как же душно! Да. Кондиционера им явно не хватало. Но и просить помощи у новоиспеченного родственничка желания не возникало. Уж как-нибудь по старинке. Странно, Соня не жаловалась – мгновенно отключилась, и жара ей нипочем. Измучилась девочка.

Не выдержав, Лиза соскочила с кровати и направилась к окну. Отодвинув в сторону плотные цветастые занавески, распахнула створки настежь и полной грудью вдохнула чистый воздух. Ни с чем не сравнимое удовольствие!

В комнату проникли ночная прохлада и свежесть. А также невероятная смесь разнообразных запахов и ароматов полевых цветов. Вздохнув еще разок, Лиза вышла из спальни. Пока комната проветривалась, направилась на кухню. Прямо в потемках, не включая света.

– Не спится?

Девушка вздрогнула от неожиданности. Никак не могла

привыкнуть к посторонним людям в своем доме. Приглядевшись, увидела распластавшегося на диване Матвея.

– Душно. – Она для наглядности обмахнула себя ладошками. – Воды попить...

– М-м-м. – Мужчина поднялся на ноги и медленно приблизился к ней. – А я уж подумал, что решила девочка и меня взбодрить.

– Что-то?

– Не морочь голову моему брату, – холодно отрезал Верещагин. – Ваш флирт, объятия и поцелуи до добра не доведут, непостоянная ты наша!

Лиза так и застыла с разинутым ртом, не в силах выдать из себя ни звука. Ох и затрясло же!

– Даня – замечательный человек. И прекрасно понимает, в отличие от некоторых, что никого я не пытаюсь соблазнить. Мы просто нашли общий язык!

– Я сказал – ты услышала.

– Иди к черту!

– Не нарывайся, девочка. Не то возьму тебя с собой.

В нее однозначно вселился кто-то чересчур смелый и неуправляемый, потому как в следующее мгновение Лиза расправила плечи, готовясь дать любой отпор. Что этот человек сделает племяннице Прокурора?

– Скажи, Матвей, – гневно прошипела она, – а тебе морочить голову можно?

– Нужно, Лизонька, – последовал глухой ответ. – Очень

даже... нужно.

Ярость испарилась под напором первобытного ужаса.

Нет! На фиг эту воду!

Пить резко расхотелось.

– Я... я...

– Что? Духу не хватит?

Горько и насмешливо.

– Шарахаешься от меня, как вышеупомянутый черт от ладана. Почему?

Серьезно? Он еще и спрашивает?

– О, возможно, потому что вижу сны, в которых ты предаешь Дмитрия и убиваешь его?! – выпалила она, сама от себя не ожидая подобной злости. – Моего. Любимого. Мужчину!

– Лиза, – Верещагин изумленно таращился на девушку, – ты что несешь? Да, мы не ладим с ним, это не секрет. Но если серьезный замес начнется, я собой прикрыть его готов...

– А! Вы взаимозаменяемые?

– Вам не дадут быть вместе, – спокойно и уверенно заявил он. – Когда уже поймешь?

– Я понимаю, Матвей. – Сердце грозило выскочить из груди в любую секунду. – Но никто не в силах заставить меня его разлюбить. Правда же?

И Лиза направилась в свою спальню. Благо, мужчина не стал удерживать. У самой двери обернулась:

– Без обид, но я забаррикадируюсь. В данный момент не могу сказать, что доверяю тебе.

Матвей кивнул:

– Если это поможет тебе почувствовать себя в безопасности – вперед!

– Доброй ночи...

– Спи спокойно, Лиза.

Свою угрозу девушка исполнила сполна – дотолкала до двери внушительных размеров комод и подперла его не менее массивным креслом. Вот так. Хоть уснуть спокойно сможет. К слову, помещение проветрилось достаточно. Лиза закрыла окно и задвинула шторы, погружая комнату в еще большую темноту. Однако безобидным намерениям – улечься в удобную кровать – не суждено было осуществиться. Внезапно ее схватили со спины и крепко зажали рот ладонью. Пронзительный крик, так и не успев слететь с губ, превратился в тихое невнятное мычание.

* * *

Примитивный ужас сковал тело и нутро противными липкими щупальцами. Девушку затрясло, да так, что колени подкосились. Не удерживай ее сейчас неизвестно кто – непременно рухнула бы на пол.

Сердце, судя по всему, решило покинуть свою хозяйку – казалось, вот-вот оно прорвет грудную клетку и выскочит наружу. Кровь в венах не текла – бурлила, точно лава в жерле вулкана за секунду до извержения. Инстинкт самосохранения

нения ревел, надрывая несуществующие голосовые связки, требуя спасения. Впрочем, и Лиза редела, брыкалась, кричала, да толку никакого. Жалкое мычание и тихие всхлипы. Ее никто не услышит. Никто не поможет. Она собственноручно сотворила это!

До чего же глупая!

Вскоре к гамме чувств прибавилась злость. Неопишуемая животная ярость. Понимала, и более чем отчетливо – у нее единственный шанс на спасение. Только один. Она обязана бороться! Достаточно громко закричать, и Матвей найдет способ помочь. Почему-то в конкретный момент девушка в нем не сомневалась.

Не колеблясь более ни мгновения, впиалась отросшими ногтями в ладонь, удерживающую ее рот подобно надежному кляпу. Не жалея. Со всей силы. Едва ли это помогло. Черт! Не дернулся даже. Хватки не ослабил. Окончательно теряя самообладание, Лиза попыталась ударить напавшего локтем под ребро. Размах был невероятным и казался спасительным. Однако руку перехватили на лету. Мужчина, сцепив их пальцы, завел руки за девичью талию, заставляя Лизу обнять саму себя. Сильнее сжал и пощекотал пупок поверх короткой атласной сорочки, заставляя кожу, вопреки ситуации, покрыться мурашками.

Что, черт возьми, происходит?

Все еще пребывая под действием колоссальных доз адреналина, Лиза ничего не понимала. Только-только начала за-

мечать его странное поведение. Он держал крепко, но не более. Вреда не причинял. Разве что... с жадной свирепостью целовал ее шею. Облизывал. Покусывал. Опалял горячим дыханием. Шок отошел на второй план, уступая место недоумению. Растерянности. Она замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. Пульс по-прежнему громыхал, от чего закладывало уши. Глаза ничего не видели. Но другие органы чувств просто вопили! Натужно отправляли импульсы мозгу, раз за разом пытаюсь пробиться сквозь пелену страха.

Желая подтвердить собственные догадки, Лиза глубоко втянула носом воздух. Господи!

Она знала этот запах. Как и прикосновения. И реагировала на них соответственно – подобно кошке во время течки, ни капли этого не стесняясь! Потому что принадлежала человеку, из чьих рук столь отчаянно вырывалась. С невероятной гордостью носила на себе его клеймо.

Неужели?

Надежда наполнила душу, заставляя глупо улыбнуться. Соппротивление сошло на нет. Более того, со всей самоотдачей, на какую была способна, девушка вжалась в его могучее стальное тело, получая при этом такую дозу запредельного кайфа, что голова кругом пошла. То ли воздух был до предела накачан статическим электричеством, то ли между ними так искрило, что бросало Лизавету то в жар, то в холод. Заметив перемены в поведении пленницы, мужчина убрал руку с ее рта, будучи наверняка уверенным, что кричать она

не станет. Намотал на кулак рыжие пряди и, запрокинув ее голову, яростно впился в губы коротким жестким поцелуем.

– Вернулся! – прошептала Лиза, пытаясь выровнять сбившееся дыхание.

И тут же плюнула на эту затею. Сразу после того, как мужчина по-хозяйски потерялся о ее зад.

Да кому это дыхание нужно? Лиза вообще забыла, как это делать!

Дернулась от накатившей волны бесконтрольного возбуждения, почувствовав ягодицами твердость в паху мужа. Все мысли из головы как ветром сдуло. Осталась лишь потребность. Безумная. Животная. Безграничная.

Девушка точно воск плавилась в его крепких объятиях. Мягкая и податливая.

Принять все, что предложит. Дать все, что пожелает.

Она уже была готова. От одного лишь прикосновения низ живота скрутило горячими спазмами. Влага хлынула из ее глубин, обволакивая лоно и полыхающие желанием складочки. За доли секунды трусики хоть выжимай!

Чувственно прикусив губу, Лиза захныкала в нетерпении. Собственная пустота казалась чудовищной. Болезненной и неправильной.

Он должен быть внутри! Наполнить собой!

– Не уезжал! – коротко выдал Дмитрий, слегка отстраняясь.

Секунду спустя в темноте раздался скрип разъезжающей-

ся молнии. Несравненный звук! Похомов еле сдерживался, и Лиза это чувствовала каждой клеточкой собственного тела. Точно так же вибрировала от напряжения. Им нужен был секс. Быстрый и грубый. Расставляющий приоритеты. Подтверждающий принадлежность. Для нежности не осталось места. Хотелось лишь жесткого проникновения, спаивающего их воедино. И острого, граничащего с помешательством наслаждения.

Слегка наклонив девушку вперед, Дмитрий заставил прогнуться в пояснице и открыться для него. Несмотря на темноту, движения его были точными и быстрыми. Подцепив пальцем кружево трусиков, сдвинул их в сторону. Довольно рыкнул прямо в ухо, прихватив нежный хрящик зубами, когда обнаружил степень ее возбуждения.

– Плохой мышонок! – Он лизнул укушенное место, и Лиза закатила глаза от пронзившего ее удовольствия. Подтверждая ложное возмущение, жадно сжал ее ягодицу.

– Разве можно так бессовестно течь, когда твой муж не в состоянии насытиться тобой в полной мере?

– Прости, я не...

– Гребаный ад! – прохрипел он, уткнувшись в ее шею. – Я близок к помешательству...

В следующий миг Лиза почувствовала его плоть. Горячую и твердую. Похомов плавно скользил вдоль влажных складочек, высекая из тела искры наслаждения. Смачивая себя в ее соках. А после замер, уткнувшись головкой в алчущий

его вторжения вход. Внутри все запульсировало от предвкушения и восторга. Однако муж не торопился. Замер, тяжело дыша. От напряжения на лбу выступила испарина даже у нее.

Почему? Чего ждет?

Чего, стало понятно сразу же – задрал наверх ее сорочку, Дмитрий заставил избавиться от одежды вовсе. А после...

Яростно припечатав спиной к своей груди, муж принялся водить по коже костяшками той самой руки, которую Лиза исполосовала ногтями. Не нежно. Нет. С нажимом. Втирающими движениями. По животу. По груди. По лобку. Будто... территорию метил. Шальная мысль, но как же она голову вскружила! В какой-то момент Лиза не выдержала – сама насадилась на него, принимая в себя до упора. До крови прикусила губу, лишь бы не застонать вслух. Похомов зашипел. Одной рукой отчаянно стиснул упругую ягодицу, направляя девушку. Другой снова крепко зажал ей рот. Она не возражала. Понимала, что мера вынужденная. Один громкий звук – и катастрофа! Их разоблачат. Вопреки здравому смыслу, чувство опасности распалаяло еще сильнее. Делало наслаждение острее.

– Дыши носом, – посоветовал муж за секунду до того, как начал самозабвенно, с остервенением вколачиваться в ее тугую плоть.

Дмитрий будто с цепи сорвался. Пытался насытиться каждым мгновением. Каждым ее всхлипом. Лиза же захлебывалась удовольствием, не в силах сдерживать стоны. В такие

моменты он сильнее сжимал ее рот и ускорялся, погружаясь все жестче. В ночной тишине раздавались характерные звуки примитивного слияния их тел. С каждым новым толчком Похомов подводил Лизу к краю. Все ближе и ближе. Она превратилась в один большой комок оголенных нервов. Столь чувственный, что любое прикосновение отзывалось крупной дрожью.

– Моя... зависимость! – шептал он, наращивая еще темп. – Ты – зависимость, Лиза.

Все! Это стало последней каплей. Лизавета взорвалась. Разлетелась на мелкие кусочки. Перестала существовать. Оргазм был столь силен, что, потеряв связь с собственным телом, она бессовестно обвисла в сильных руках Похомова. Не помнила даже, кончил ли он. Некоторое время спустя, почувствовав между ног его горячее семя, выдохнула с облегчением. Они достигли разрядки вместе и теперь, прижавшись друг к другу, обессиленно распластались прямо на полу.

– Я скучала, – произнесла девушка, когда пульс и дыхание пришли в норму.

– Знаю. – Голос звучал монотонно и... устало? – Но впредь не разлагай мне дисциплину.

– Ты догадался... про звонок? Ну, от Дани...

– Сама как думаешь? – хмыкнул Дмитрий, целуя ее в волосы. – Парень у меня на хорошем счету. Умный и дальновидный. Не порть его своими женскими чарами. Не надо.

Выпорю так, что неделю сесть не сможешь – все гореть будет.

– Я лишь попросила...

– Больше не проси.

Лиза молчала, обдумывая услышанное. И припомнила любопытный факт:

– Почему ты не уехал?

Затянувшаяся пауза. Тяжелый вздох. А после неопределенное:

– Так было нужно.

– Для чего?

– Неважно, Лиза!

Терпение лопнуло. Сказалось напряжение последних дней. Вскочив на ноги, она быстро переместилась к кровати и включила ночник. В конце концов, шторы были довольно плотными, чтобы скрыть от любопытных глаз тех, кто находился в комнате. Мягкий тусклый свет наполнил помещение. Теперь они могли друг друга хотя бы видеть.

– Мне будет спокойнее, если ты...

Лиза запнулась на середине фразы. Словарный запас внезапно иссяк. Ошарашенно уставилась на Дмитрия, совершенно его не узнавая. Он выглядел так, будто не спал неделю. Не просто уставший – измотанный. Катастрофически измотанный. Осунулся – черты лица стали острее. Под глазами залегли тени. Теперь Дмитрий напоминал ей озлобленного хищника. Скользнув взглядом ниже, и вовсе ужаснулась. Костяшки пальцев на обеих руках сбиты едва ли не до ко-

сти. Уже начали заживать, покрылись корками, однако правая кисть все равно кровоточила. Та самая, которую она терзала своими ногтями.

Господи! Что с ним происходило все эти дни? С кем дрался?

И тут Лизу осенило: Похомов действительно ее метил! Собственной кровью. Именно этой рукой растирал тогда кожу. Подобная мысль должна была ужасать до дрожи в коленях. Должна. Но увы! Лизу она лишь сильнее будоражила. Осмотрев себя, она заметила кое-где красные следы.

Его – до мозга костей! Да! Да! Да!

В следующее мгновение Лизавета направилась к мужу. Завидев ее приближение, Дмитрий принял сидячее положение и следил горящим взглядом за каждым движением. А посмотреть было на что.

Взъерошенная после близости с ним же. Обнаженная, в одних трусиках. Со следами его крови на коже.

Достигнув цели, девушка опустилась на корточки подле него. Прямо между широко разведенных мужских бедер. Обхватив лицо ладонями, принялась покрывать нежными порывистыми поцелуями. Напряженный до предела, Похомов прикрыл глаза и наконец-то расслабился. Тем временем Лиза переключила внимание на раненую кисть. Поднесла к губам и мягко коснулась каждой косточки. Дернувшись, он распахнул глаза. Всмотривался долго, а потом рывком притянул жену к себе и поцеловал. Столь дико и необузданно,

что мир вокруг перестал существовать. Лиза с трудом в себя пришла, когда остановился.

– Кроха! – прошептал Дима сдавленно, удерживая ее взгляд. И в этом слове было все.

– Люблю, – отозвалась она так же тихо. – Я тебя люблю!

Дмитрий стиснул Лизу в своих объятиях так крепко, что стало трудно дышать. Но она не жаловалась. Совсем наоборот.

– Что произошло? – поинтересовалась вкрадчиво. – Ты мне расскажешь?

– Возникли проблемы.

– Да. Я слышала. – Даже на языке была горечь сочувствия. – Как Паша?

– Справится. Девку жалко. Ни за что пострадала. Сокол себя поедом сжирает.

– Мне так жаль... передай ему мои соболезнования.

Похомов кивнул, а Лиза продолжила:

– Как ты узнал, где именно моя комната?

– На тебе маячок, ребенок!

Ах да!

– Ты обещал, что будешь беречь себя.

– В первую очередь я обещал беречь тебя, – осадил он строго. – Мне совершенно не нравятся доисторические методы Прокурора. Прошлый век. Предпочитаю идти в ногу со временем. А потому по периметру твоего дома установил шесть портативных камер, работающих от независимых бло-

ков питания. Обзор в триста шестьдесят градусов. Слепые зоны отсутствуют. Почаще улыбайся, жена – я буду наблюдать за тобой круглосуточно.

Лизавета выполнила его просьбу – растянула губы в нежной искренней улыбке. Сердце радостно стучало в груди.

Она будет красоваться перед ним постоянно!

– Еще одна нигде не завалялась? – шутливо сморщила носик Лиза. – Установим прямо здесь... в моей спальне.

Он укусил ее за подбородок.

– Привезу в следующий раз.

– А если серьезно, для чего все это?

Похомов передернул плечами:

– Вычислить крысу и не допустить Лоркиного сценария в отношении... той, что мне дороже собственной жизни.

У нее на глазах заблестели слезы, но девушка быстро взяла себя в руки:

– Что ж, теперь мне спокойнее вдвойне...

НИ ХРЕНА! От страха за ЕГО жизнь внутренности как на костре жарили.

– А чтобы мне было еще спокойнее...

Отстранив ее, он встал на ноги и направился к письменному столу. Лиза с ужасом наблюдала, как Дмитрий извлекает из верхнего ящика пистолет.

– Спрячь. Только так, чтобы могла воспользоваться в момент опасности. Поняла меня?

– Не надо...

– Поняла? – повторил он с нажимом, сурово сдвинув брови. Лишь после утвердительного кивка немного расслабился. – Открывай окно, мышонок. Мне пора.

– Нет. Тебе нужно отдохнуть.

– Так, Лиза...

– Либо ты остаешься и ложишься спать, либо, – красноречиво кивнула на огнестрельное оружие, – я завтра выкину эту вещь!

Похомов нахмурился, явно недовольный подобным раскладом.

– Дождемся, когда Матвея сменит Даня. Он поможет вывести тебя незамеченным. Ко мне в комнату никто не зайдет. Баррикада же. Все решат, что это очередной мой нервный срыв, коих случилось много за последнюю неделю.

Он все еще молчал, обдумывая ее предложение. Взвешивая риски.

– Прошу, пожалуйста! На тебя страшно смотреть. Я сойду с ума от беспокойства, зная, что ты сядешь за руль. Просто хорошенько выпись.

Мужчина устало потер переносицу:

– Твоя взяла, кроха. Нет сил даже спорить.

От одежды он избавился быстро. Не теряя ни минуты, они легли в постель сразу же. По привычке заключив ее в свои объятия, Похомов почти мгновенно провалился в сон. Лиза не спала добрую половину ночи. Невидящим взглядом сверлила потолок и пыталась отогнать от себя плохие мысли, так

настойчиво терзавшие сознание.

Глава 3

Утро выдалось странным.

Благо, странность оказалась приятной. Впервые за последнюю неделю Дмитрий проснулся не от звука будильника, позволяющего дремать не более трех часов в сутки, а сам. Просто выспался и, ощущая энергию, напитавшую все тело, распахнул глаза. Где находится, сообразил не сразу. Лишь детально просканировав затемненное плотными занавесками помещение, понял, что к чему.

Перевел взгляд на девочку, чье податливое тело льнуло к нему, и малость охренел. Это ж надо! Словно дикарь какой-то, вцепился Лизе в волосы. Намотал на кулак и крепко прижал щекой к своей груди. И давненько, судя по тому, как сильно онемели пальцы. А она знай себе сопит мирно. Обжигает размеренным дыханием его кожу. Словно ни боли, ни дискомфорта не испытывает.

Кроха! Его кроха!

Все отошло на второй план. Сейчас имела значение только нежность. Та, что при одном взгляде на жену душу до краев наполняла. Ради нее весь мир вверх дном перевернуть был готов. Все правила нарушить. Безвозвратно. Лишь бы спала спокойно. И рядом. Вот как сейчас. Усмехнулся про себя, вспоминая, как она его лихо окрутила. Как на своем настояла и выспаться заставила. И ведь права же оказалась – с ног

валился. Растет его мышка!

Похомов изначально не собирался оставаться, потому и передал паспорт с Верещагиным. Знал, как важно Лизе общение с друзьями, и препятствовать не хотел.

Да и вообще в свете последних событий нагнать с постоянными встречами было крайне опасно. Однако проигнорировать поступившую информацию и не взять безопасность Лизы под дополнительный контроль тоже не мог.

Требовалось всего лишь дождаться темноты. Установить камеры по периметру и уехать. Но нет же! Звонок Дани смешал все карты! Он, блин, поддался соблазну. До гребаного умопомрачения хотелось увидеть ее лицо. Хоть мельком. Пусть даже через окно.

Комнату Лизы Дмитрий нашел сразу. И дело вовсе не в маячке, как озвучил ранее. Нет. Борзый просто ее чувствовал. Всегда. Как зверь, идущий по следу. Как животное, оставшее от родной стаи.

Дом – там, где она!

Было далеко за полночь. Казалось, все давно спали – в помещениях не горел свет. А он, как последний идиот, продолжал таращиться на ее окно. И даже тонны выкуренного никотина не заглушали сжиравшую его тоску. Удача не подвела и на этот раз. В какой-то момент девушка распахнула окно, и Дмитрий, недолго думая, проник внутрь.

Разговор Лизы с Матвеем, который он слышал от начала и до конца, заставил рассвирепеть и завестись с полуоборота.

Ревность жгла нутро словно каленым железом.

На мое позарился!

Похомов готов был растерзать противника голыми руками. Да что там! Рвать его глотку зубами, если придется. Одному Богу известно, чего стоило ему сдержаться. Возможно, осознание, что палиться никак нельзя, придало сил. А возможно, понравилось, как дерзко и уверенно осадил Верещагина Лиза. Не каждый так сможет. И о любви к Дмитрию, не таясь, говорила. Только это и удержало на краю.

Один черт, когда в его руках малышка оказалась, крышу его снесло знатно. Действовал грубо, примитивно, на инстинктах. Хотелось не только телом ее владеть, но и душой, мыслями. Безраздельно.

Залить ее всю – всю, черт возьми! – слюной, спермой, кровью. Всем, что только найдется в собственном теле! Осеменишь. Пометишь. И забрать всю. Без остатка.

Безумие... мое безумие!

– Дима! Который час?

Ее улыбку Похомов почувствовал собственной кожей. А после она прикусила его сосок, нешуточно будоража бегущую по венам кровь.

Маленькая...

Он рассеянно посмотрел на левое запястье:

– Семь тридцать.

– Через полчаса придет Данила. У них в восемь смена.

Сладко потянувшись, Лиза зевнула. Явно не выспалась,

но вида не подавала.

– Приготовить тебе завтрак? Я могу принести сюда... ну, если ты спрячешься в шкафу ненадолго.

Дмитрий едва в голос не загоготал от нелепости вопроса. Только в шкафу он еще и не сидел!

– Это лишнее, кроха, – фыркнул Похомов и, схватив за талию, перетянул жену на себя. Заставил сесть к нему на колени и теперь нежно мял упругие ягодицы, наслаждаясь ее легкими стонами. – Да и занят я буду. Очень... чрезвычай-но... глубоко занят!

– Мне кое-что не дает покоя, – произнесла девушка мягко, когда все закончилось. Как и вчера, после близости Лиза тщательно очищала себя влажными салфетками. В глаза смотреть избегала, будто смущалась.

– Почему мы не предохраняемся?

Дмитрий стрельнул в нее внимательным взглядом.

– Разве не очевидно?

Она задумалась буквально на пару секунд, а после принялась натягивать на себя одежду. Схватив расческу, прошлась по спутанным рыжим прядям.

– Извини. Не знаю, почему спросила.

Подойдя вплотную, Борзый обнял ее со спины. Крепко стиснул.

– Нет на свете силы, что привязала бы тебя ко мне сильнее... чем мой ребенок.

Ее изумление длилось недолго. Развернувшись, Лизавета

вцепилась в него мертвой хваткой. А после, отстранившись, переключила внимание на руки. Нахмурилась.

– Откуда эти раны?

– Все хорошо. – Уткнувшись носом в ее волосы, Похомов сделал несколько глубоких вдохов. – Тебе об этом знать ни к чему.

* * *

Несколькими днями ранее...

Дьявол! Только бы не убил!

Похомова с большим трудом оторвали от мужчины, скорчившегося в неестественной позе у его ног. Лицо Решетникова превратилось в кровавое месиво. Он находился без сознания уже какое-то время, однако побороть накатившее безумие и остановиться не было сил. Благо, Сокол вовремя вмешался. Заслонив от него ублюдка собственным телом, вцепился в друга мертвой хваткой, пытаясь отрезать:

– Хорош, Дим! Выдохни!

Все еще пребывая в состоянии неконтрольного бешенства, Похомов резко скинул с себя его руки.

– Отойди! – процедил Дмитрий сквозь стиснутые зубы совершенно нечеловеческим голосом. – На его место захотел?

Но черта с два друг испугался!

– Ты же мне потом шею и свернешь, если я тебя сейчас не тормозну!

Гневно сплюнув, Борзый напряженно кивнул.

Все так. Сам Сокола просил, когда Решету западню устраивал, напоминать время от времени, что эта гнида нужна им живой. Непорядок, совсем уже с катушек слетел. Да только онемевшие руки не разгибались, а ревевший в ушах пульс подталкивал завершить начатое. Потребовались титанические усилия, чтобы обрести над собой контроль. Вновь стать человеком.

Все шло по детально продуманному плану. Не собирался он спускать паскуде с рук выходку с Лизой. Нет! Каждый в этом городе должен знать, что она неприкосновенна!

И каждый будет знать! Лишь вопрос времени.

Но когда в довесок и Лорку на тот свет отправили, а Борзый не сомневался, что они приложили к этому руку, вопрос стал решенным. Как и очевидный факт, что в окружении отца завелась довольно жирная крыса, вычислить которую своими силами он вряд ли сможет. Пришлось действовать быстро, по горячим следам. И втайне от всех.

Толю отыскать не составило труда! До такой степени обнаглел и расхрабрился, что оглядываться перестал. А в их кругах так нельзя. Фатальная ошибка. Нужны осторожность, бдительность. В общем, на том и сыграли. Спустя некоторое время зажали Решето в туалете одного из популярных ночных клубов города. Сокол стоял позади и следил за дверью. Хоть и сам не отказался бы вытрясти из уroda душу, да лишние свидетели тоже ведь не нужны.

Оценив ситуацию, Толя бесстрашно ринулся в бой. Смело, но глупо. Поначалу Дмитрий сдерживался, контролировал себя, смягчая и укорачивая удары. Думал добыть информацию малой кровью. Впрочем, зря. Третий оказался калач. Немудрено, столько ходок за плечами. В какой-то момент явно охреневший сосунок начал детально описывать все, что творил с его крохой. И что сделает при следующей встрече.

В голове перещелкнуло. Разум не просто помутился – он растворился в клокочущей ярости!

И пальцем ее не тронешь, мразь. У тебя их тупо не останется!

Хотелось уничтожить. Растерзать. Стереть тварь с лица земли. Дмитрий холодно улыбнулся, понимая, что тот приговорил себя. Только что! А секунду спустя, совершенно озверевший, он бросился на Решето. Дальше красная пелена. Чистый лист. Лишь ее заплаканное лицо перед глазами. Лишь ее срывающийся от страха голос и дрожащие губы. Похомов затряс головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Нет здесь мышонка. Далеко от него. И в относительной безопасности.

Тяжело дыша, он прислонился к прохладной мраморной стене.

– Проверь! – прохрипел другу, кивнув на притихшую особь.

Сам же принялся разглядывать окровавленные кулаки. Плоть горела огнем и пульсировала тупой, ноющей болью.

Неудивительно, костяшки сбил прилично. Неделю заживать будут, но это мелочи. Подошел к умывальнику, опустил руки под струю ледяной воды. Хоть кровь смыть да остановить. От того, с какой силой зашипало раны, едва вслух не выругался.

– Живой! – пробубнил Пашка, хватая Толю за влажные от крови волосы и прощупывая пульс в районе сонной артерии. – Водой сбрызнем, сразу же очухается.

Похомов с трудом сосредоточил взгляд на друге. Тонны адреналина в крови все еще делали свое черное дело. Его трясло, хоть и каждый мускул в теле был тверд, подобно камню. Колотило от примитивной ярости, плотным пологом окутавшей сознание.

– Так сбрызни! – рыкнул он раздраженно. – Лучше ты, Паша. Иначе я просто утоплю его на хрен!

Сокол, набрав полные пригоршни воды, плесканул в лицо парня. Тот громко закашлялся, но в себя пришел. Уже неплохо. Осторожно пошевелился, видимо, прислушиваясь к ощущениям. Однако даже пытаться встать не рискнул – столкнулся взглядом с Дмитрием и покорно обмяк.

– Как ты уже понял, – голос Похомова звучал холодно, даже жестоко и совершенно не соответствовал царившему в душе хаосу, – принцип «лежачего не бьют» со мной не прокатит. Я бью!

– Ты труп. Макар тебя...

– Закрой пасть! – гаркнул Борзый, надрывая голосовые связки. – Иначе твоя встреча с Макаром может и не состо-

яться.

– Не надо на понт меня брать. Хотел бы убить...

– Некуда торопиться. – Дмитрий двинулся к Толе. Тот неуклюже попятился и болезненно зашипел, когда Похомов присел на корточки у его лица. – Но если хочешь выйти отсюда живым, советую ответить на все мои вопросы. И сделать это честно.

Решето хохотнул, брызгая кровавой слюной:

– Я те не крыса!

– Но станешь ей. Прямо сейчас.

– Лучше добей. Я нажился.

– Да фиолетово мне, что там для тебя лучше. Ты не в том положении, чтобы выбирать или указывать!

Толя обессиленно уронил голову на грудь и что-то невнятно хмыкнул.

– Либо отвечаешь по-хорошему, либо я заставлю тебя говорить. – От его тона напрягся даже Павел. – Не каждого человека пугает смерть. Сдается мне, ты как раз из них.

– За это Макар меня и ценит! – запыхтел Решето, теща свое мнимое достоинство. – Я лучше сдохну, чем его предам.

– Сдохнешь, – поспешил «успокоить» Дмитрий, – обязательно сдохнешь. Когда Зарутский узнает, что ты его уже предал. И не раз. И не два. Или, быть может, он в курсе дел, которые ты у него за спиной проворачиваешь?

– Я не...

– Да брось! В твоём послужном списке такое есть, – под-

тверждая свои догадки, Дмитрий пошарил по карманам лежащего противника, а затем извлек из одного маленький зип-пакет, наполненный дурью, – за что Макар, не задумываясь, пустит пулю тебе в лоб. Прибыльный бизнес, не спорю. А он мимо кассы. Попадос!

– Не докажешь! – гневно выплюнул Решетников. – Может, я сам закидываюсь.

Похомов задумчиво прищурился, втягивая ноздрями затхлый воздух. Казалось, к общему букету «ароматов» добавился и металлический запах крови.

– Зачем доказывать? – Переговоры затянулись. Пора уже заканчивать. – Достаточно намекнуть твоему «родителю», что ты за его спиной перед Пескарем выслуживаешься, и дело в шляпе. А он проверит. Не сомневайся.

Анатолий с ненавистью уставился на Борзого:

– Мне плевать! Рассказывай!

Дмитрий выпрямился во весь свой немалый рост:

– Совсем забыл, – оскалился он, вынося вердикт, – и тех, кого не пугает смерть, можно сломить, Толя. Ты мал еще, не понимаешь. Но достаточно лишь найти... нужный рычаг давления. Тот самый, что страшит куда сильнее гибели. И знаешь что? Твой я нашел!

– Ну да! Пытать, что ли, будешь?

Пока Решетников плевал в его адрес не самыми лестными эпитетами, Борзый в упор посмотрел на Сокола. Оба понимали – и понимали отчетливо, что другого выхода у них нет.

– Заводи! – принял наконец решение Похомов.

Друг оставил их меньше чем на минуту. Вскоре дверь распахнулась, и в помещение он ввалился вместе с мужичком лет тридцати пяти на вид. Низкорослым, щупленьким, по телосложению напоминавшим подростка. Словом, жилистым. И если «гость» всматривался в расквашенную Толину физиономию, явно не узнавая, последний признал мужика сразу. От того и замер напряженно, настороженно.

– Какого хрена? – крикнул Решето, пытаясь подняться.

Не тут-то было. Рухнул обратно, видимо, сил у него не осталось от слова совсем.

– Смотри-ка! – Похомов хрустнул позвонками затекшей шеи. – Знакомые все люди. Даже не обниметесь?

– Ты что задумал? – Голос Решетникова дрогнул, выдавая степень его напряжения.

– А что? – удивленно вскинул брови Борзый. – Не рад? Как же так? Почти семья! Вместе на зоне чалились. В одной камере сидели и за одним столом баланду жрали. А потом, пользуясь тем, что он от природы немошный, и ради собственного престижа ты из него опущенного сделал. Так?

Мужичок злобно прищурился и кулаки стиснул. Понял, кто перед ним. Анатолий, точно парализованный, на него тарачился. Не моргал даже.

– Так? – гаркнул Дмитрий, заставляя присутствующих вздрогнуть.

Решето по-прежнему ни звука не проронил. Только зубы

сильнее стиснул.

– Все так, Борзый, – подтвердил хлюпик со смешным прозвищем «Верзила».

– Не запахло тебе с опущенными беседы вести?

– А тебе не запахло было сокамерника драть?

– Да вообще, мужика, в принципе! – внес свою лепту Сокол, брезгливо скривившись. – Лучше бы, падла, сам себя удовлетворял!

– Вам не понять. Вы срок не мотали. Условка не в счет. На зоне свои правила!

– Ну, как знаешь, – презрительно фыркнул Похомов и переключил внимание на Верзилу: – Он твой.

– Вы... вы че? – закричал Решетников, из последних сил отползая назад. – Это беспредел. Борзый, лучше пристрели меня! Слышишь?

Дмитрий окинул его скучающим безразличным взглядом.

– Зачем? На зоне свои правила. А у меня свои. Не переживай. Он лишнего себе не позволит – не допущу. – Стоило парню облегченно выдохнуть, как Похомов добил его окончательно: – Сделает лишь то, что сделал с ним ты. Не более.

Верзила уже расстегивал ширинку, подходя все ближе. Пашка достал телефон и включил запись видео. Этот жест не укрылся от Толи, который уже истерически вопил не своим голосом, понимая, что сопротивляться не сможет:

– Не надо!

– Сейчас и тебя опустят, Толя. Это неизбежно в нашей

ситуации. А Сокол сей знаменательный момент запечатлеет, чтобы показать всем нашим. Готовься к массовому поздравлению, фраерок.

– Гнида! – попытался отшвырнуть от себя руки «боевого товарища» Решетников. – Не смей!

– Ну как, Решето? Сам отсосешь, или зубы тебе крошить будем?

– Тронешь – порешу!

– Хоть перед смертью отведаю сладость мести!

Несмотря на низкий рост и хилое телосложение, Верзила скрутил врага профессионально. Дмитрий достаточно хорошо контролировал свои эмоции. С виду был холоден и безучастен к происходящему. Внутри же... сука, аж подташнивало от подобного зрелища. Того и гляди, наизнанку вывернет. Пашка тоже особого удовольствия не испытывал. Хмурился и взгляд отводил.

Когда Верзила спустил до колен джинсы вместе с бельем, оголив зад, Анатолия откровенно затрясло. Осознал, что конец близок, и назад не отмотать. На его глазах заблестели слезы отчаяния. Похомов проигнорировал вставший в горле ком. Подобной реакции, впрочем, от Толи и ждал. Своего добился. Он его сломал. Можно было заканчивать, да только мужичок вошел в роль мстителя не на шутку.

– Наконец-то и я тебя порву.

– Стоп!

– Я все скажу...

Выкрикнули одновременно. Верзила досадливо переминался с ноги на ногу.

– Борзый, может... хоть разок?

Дмитрий, уже совершенно не сдерживаясь, полоснул по мужику взбешенным взглядом. Мгновение спустя того как ветром сдуло.

Решетников, все еще пребывая в шоке, поправил одежду и осторожно сел, прислонившись к стене.

– Спрашивай, – промямлил он еле слышно.

Что ж, можно было и поговорить.

– Девушка, что нам с тендером помогла... ваших рук дело?

Решето отрицательно покачал головой.

– Бери выше. Вы Москву с носом оставили, а не Макара. Он их интересы представлял. Позже старшие приняли решение наказать виновницу. Без нее ничего бы у вас не вышло.

Не новость. Дмитрий давно предполагал нечто подобное.

– Почему только сейчас? Прошло немало времени.

– Ее надежно охраняли. Эти ваши... типа элитные, спецназовцы бывшие. Верещагины. К ним не совались, и не обсуждалось даже. А потом внезапно защита понадобилась кому-то более важному. Их с объекта сняли, и выпал реальный шанс... никто не предполагал, что этот там будет. Нормальных ребят положил, сволочь!

«Этот» в данный момент был злее сатаны. Потерю Ларисы Пашка переживал тяжело, хоть и держал все в себе. И пусть

великой любви к ней не питал, вину за случившееся определенно чувствовал. Дмитрий слишком хорошо знал друга, чтобы не понять.

– А теперь, мразота, перетекаем к главному вопросу, – озвучил Сокол, сжимая руки в кулаки, да так, что костяшки побелели. – Откуда вам все это известно?

Решето поморщился от боли, поглаживая ребра. Однако с ответом не спешил. Пришлось подтолкнуть.

– Кто крыса, Толя? – Борзый неотрывно смотрел в его глаза. – Я знаю, что среди наших есть чужак. Кого внедрил к нам Зарутский? Или кто-то свой предал?

Парнишка замотал головой в знак протеста:

– Не знаю.

– Играть со мной вздумал?

– Не горячись! Имени не знаю. Только голос слышал, когда они с Макаром созванивались пару раз. У пахана очень громкий динамик.

– Так редко отчитывается? – Червячок сомнения зашевелился в подкорке. – Или тебя не посвящают?

Решето зашелся лающим кашлем. После продолжил:

– Нет. Вообще не отчитывается. Никогда.

– Почему?

– Так это... Пескаревский же он. С Макаром на равных вроде.

Дмитрия бросило в жар. Казалось, в следующую секунду он либо зубы в порошок сотрет – столь сильно сжал челю-

сти, до противного скрежета; либо внутренности выплюнет, потому что брюшину от безмолвного ужаса скрутило.

Он может беспрепятственно добраться до его жены! До матери!

– Как близко? – прокаркал сиплым голосом.

– Близко, судя по всему. И достаточно давно. Уже несколько лет, как я понял, среди ваших ошивается. Обжил-ся, корни пустил. Но верен по-прежнему Гарику. И только ему.

– Если услышишь голос, вспомнишь?

– Да.

– Однажды я предоставлю тебе такую возможность. А пока о нашем разговоре никто не должен знать. На случай, если решишь соскочить, напоминаю: у Пашки есть запись, где вы с бывшим сокамерником сверкаете своими причиндалами. Ее можно смонтировать как угодно. Никто не поверит, что вас остановил. Ты меня понял?

– Паскуда! Будто у меня выбор есть!

– Так и у меня его нет. Я сам тебя найду, как понадобишься.

* * *

Данила не подвел. Не зря Похомов возлагал на парня столько надежд.

Помог выбраться тихо и бесшумно. Не разбудив ни го-

стей, ни хозяйку.

Теперь все трое шли по лесу к месту, где Похомов оставил автомобиль.

За это время Дмитрий успел прочитать Лизе лекцию о безалаберном отношении к собственной безопасности, намекая на открытое посреди ночи окно. И плевать, что их встреча могла сорваться. А если бы на его месте оказался кто-то другой?

К слову, она и сама поняла свою оплошность, обещая впредь быть умнее и осторожнее.

Однако осознание, что предатель где-то рядом, совершенно лишило Похомова покоя. Он должен был вычислить крысу. И как можно скорее. А для этого жизненно важно добраться до того единственного человека, который наверняка владел информацией.

Но как? Как до него доберешься?!

Внезапно возникшая в голове идея была спонтанна и сопоставима с безумием. Борзый сбавил шаг, а потом и вовсе остановился. Нахмурился. Нет. Нет!

А вдруг? Чем черт не шутит?

– Кроха? – Он окликнул Лизу, и она обернулась. – Ты веришь мне?

– Глупый вопрос!

Что ж, так тому и быть...

– Ничего не бойся, – предупредил Дмитрий, очертив большим пальцем контур нежных губ. – Нужна твоя помощь.

Ничего более не разъясняя, он отдал Дане свой телефон, предварительно включив видеозапись. Тот без слов понял, что от него требуется, и для лучшего ракурса отошел на пару шагов.

– Ты хочешь быть моей, девочка?

Надменно и холодно. Как с продажной девкой!

Ореховые глаза сверкнули недоумением и тревогой. Еще бы. Постановка вопроса звучала странно даже для него.

– Да!

Незамедлительно.

– Действительно хочешь?

– Но... ведь я уже! Я вся твоя, Дима! – Неосознанно Лиза облизала пересохшие от волнения губы. – И... не совсем понимаю, к чему...

– Сделаешь все, о чем бы я ни попросил? – продолжал настаивать Похомов, все больше и больше сбивая ее с толку. – Без лишних вопросов? Без сомнений?

Вновь четкое «да», подкрепленное легким кивком.

– Докажи, – просипел он севшим голосом, – возьми это в свой бархатный ротик.

Наблюдая за сменой эмоций на любимом лице – от недоумения до абсолютной растерянности – Похомов надрывал легкие тяжелым дыханием. А потом извлек из кармана крошечный зип-пакет с дурью, конфискованный у Решетникова. Достав одну таблетку ядовито-бирюзового цвета, положил на ее раскрытую ладонь. Лиза хоть и была напугана, вся-

чески пыталась это скрыть. Только вот Дмитрий отлично видел совершенно ошалевший блеск ее глаз и подрагивающие пальчики.

– Чт-то это?

– Никаких вопросов, помнишь?

– Наркотики?

– Что если так? Быть моей уже не захочешь?

– Я за тебя умру. Что мне до какой-то таблеточки!

Лиза воинственно вскинула подбородок, закидывая дрянь в рот.

– Не смей! – остановил ее Похомов в последний момент. Схватил за подбородок, запрещая глотать, и надавив пальцами на скулы, заставил сплюнуть. – Не сейчас. Но однажды... если хорошо попросишь, предварительно отполировав меня язычком.

– А? – Она вспыхнула, прикрыв ладошками пылающие щеки, а потом тихонько заскулила. – Дима! Ты что такое говоришь? Здесь же Даня!

Не выдержав, Борзый подал знак Верещагину. А когда тот остановил запись, жадно припал к ее губам, пробуя на вкус столь сладкое изумление. Не смог сдержаться, и все тут!

– Извини! – Он, приподняв за подбородок ее лицо, заглянул в глаза. – Нужна была твоя естественная реакция. Играть ты не умеешь, что меня, признаться, очень радует.

Лизавета покорно прильнула к его груди и повторила уже сказанную ему однажды фразу:

– Делай что угодно... только береги себя!

* * *

– Семьдесят семь – топорики! – громко и четко произнесла Валентина Степановна, извлекая из красного тряпичного мешочка деревянный, затертый из-за частого использования бочонок с цифрами.

Лиза от досады легла щекой прямо на стол и зарычала.

Да уж! Лото – не ее игра, даже если она протекает под чутким руководством бабушки.

– Второй проигрыш подряд, – довольно присвистнули младший Верещагин. – Привыкай, чемпионочка!

Прицепился же! Девушка вскинулась, обиженно поглядывая на родственницу:

– Ба, хватит ему подыгрывать!

– Батюшки! Да разве ж я подыгрываю, ягодка? Что пальцы ухватят, то и тяну.

Умом Лиза понимала: на все воля случая. Таков уж неизменный механизм игры, только вот итог совершенно не радовал. Обреченно вздохнув, твердо выдержала искрящийся весельем взгляд Данилы.

– Не стану больше петь матерную частушку! Даже не про-си.

– Поверь, хватило и раза. Бедные мои уши!

– Что тогда?

– Дай-ка подумать.

В ожидании вердикта Лиза обмахнула себя ладошками. Шел пятый час. Жара достигла своего пика, заставляя их спасаться от солнцепека в тени беседки и утолять жажду ароматным чаем.

День вообще оказался насыщенным и пролетел довольно быстро.

Утром Соня здорово всех повеселила. С твердым намерением научиться готовить надела кухонный фартук и, заваливая Валентину Степановну уймой вопросов, взялась за приготовление завтрака. По слезной просьбе Андрея, не на шутку переживающего за свое здоровье, бабушка не спускала с Сони глаз, заставляя все делать под строгим контролем.

Тем временем Лиза с Гордеевым вплотную занялись подготовкой к соревнованиям. До них было еще очень далеко, но расслабляться в подобных делах равносильно провалу. Тренировка после длительного перерыва далась непросто – в теле ныла каждая мышца – однако принесла хорошие плоды. Довели до автоматизма некоторые элементы новой программы.

Словом, не успела девушка и глазом моргнуть, пришла пора прощаться с Соней и Андреем. И хоть друзья обещали вернуться, причем очень-очень скоро, в сердце все равно поселилась легкая грусть. Пересилив себя, Лиза крепко обняла каждого из друзей и отпустила на вечернюю электричку, пожелав счастливого пути.

Дом мгновенно опустел. Стал унылым и серым, потеряв привычные краски. Родные стены словно тисками сдавливали, и тот факт, что Дмитрий, возможно, наблюдает за ней на устройстве, куда выводится информация с камер, облегчения не приносил.

Очевидно, заметив перемены в ее настроении, бабушка и решила развлечь внучку подручными средствами. Стоит заметить, Данила поддержал идею с большим энтузиазмом. Будто знал, что сегодня его счастливый день.

– Массаж! – Довольный собой, он откинулся на спинку стула.

Лиза, насупившись, выразительно уставилась на мужчину:

– Мечтай!

– Все прилично, – поспешил успокоить он. – Не в службу, а в дружбу, Лизок. Спал неудобно. Плечи, шея затекли...

Несколько мучительно долгих секунд она взвешивала все «за» и «против», а после все же сдалась.

– Хорошо. Но начинать лучше с пальцев.

Даня тут же протянул ей свою огромную ручищу:

– Как пожелаешь. Не знал, что бывает и такой массаж.

– Хм... Так у меня появился шанс тебя удивить?

К данному действию Лизавета подошла со всей ответственностью. Качественно разминала каждую косточку, каждое сухожилие и мышцу. В меру сдержанный мужчина, прикрыв от наслаждения веки, восторженно и с придыханием причи-

тал как подросток:

– О, да! Вот так, девочка... м-м-м... умничка! Невероятно. Еще. Еще, Лиза! Не останавливайся...

– Заткнешься ты или нет?

Гневно зашипела она, не в силах даже посмотреть в сторону бабушки. Столь двусмысленно все звучало, что щеки от стыда загорелись.

– Конечно, заткнется, – раздался у входа в беседку не менее гневный голос Матвея, – если попросишь как следует.

Возможно, все произошло слишком неожиданно, а возможно, причина была иной и совершенно непонятной Лизе, но в следующий момент она отбросила от себя мужскую руку, словно обнаружила вместо нее живую гадюку.

– Я-я...

– Немецким займешься позже, – прервал Матвей, пользуясь ее растерянностью. А после обратился к брату: – Все-таки пробрался ночью в ее спальню, Казанова хренов?

Что-что, а реакция у них с Даней была абсолютно идентична – оба застыли с разинутым ртом. Что до Лизы, ее сердце на миг перестало биться.

Неужели догадался про ее сегодняшнего гостя?

– Не понял! – Сурово сдвинув брови, младший Верещагин включил «дурачка».

– Хорошенько подумай. От твоего ответа зависит, с плохой новостью я пришел... или с очень плохой.

– Ты бабкин грудной сбор выкурил, что ли?! – пошел в

наступление Дая. – Отчего тебя так кроет, объясни?

На Матвея было страшно смотреть. По-настоящему страшно. Лизавета внутренне сжалась в крошечный комочек, лихорадочно придумывая правдоподобное объяснение своим вчерашним баррикадам. Он же, наоборот, казалось, расслабился.

– Значит, нет?

– Я спал! Спроси у Ювелира, если не веришь. Да и на кой черт мне понадобилось бы так шифроваться?

– Что ж, в таком случае у нас проблемы. Кто-то ночью отирался перед домом и остался нами незамеченным!

– Исключено. Не мы, так аппаратура бы засекала.

– Трава под Лизиным окном сильно примята. Обнаружил при утреннем обходе, – продолжал Матвей невозмутимым голосом. – Датчики движения не сработали. Ни один! НИ ОДИН, МАТЬ ВАШУ! То есть либо он знал, и где они расположены, и как их отключить... либо, что более вероятно, ее ночным посетителем являешься ты.

– Ты бредишь! – последовал короткий ответ младшего брата.

– Спокойно! – поспешила переключить внимание на себя Лиза. – Это я. Я! Просто после нашего разговора решила проверить, смогу ли достаточно быстро сбежать через окно? И знаешь, смогу! Причем довольно часто сверкая пятками.

– Встала! – Матвей гаркнул так, что вся Лизина храбрость помахала ручкой в тот же миг. Ослушаться девушка не ре-

шилась и в следующее мгновение уже стояла, переминаясь с ноги на ногу.

– У тебя ровно две минуты, чтобы найти более подходящую обувь и снять с себя все цапки. Советую поторопиться.

– Для... то есть зачем?

Внимательный цепкий взгляд и улыбка, напоминающая скорее животный оскал:

– Хотела учиться? – Нервно сглотнув, Лиза кивнула. – Добро пожаловать в класс!

* * *

У нее задрожали коленки.

Вранье!

Не только коленки. От волнения Лиза дрожала вся – от макушки до пят. Но очень-очень старалась это скрыть. А потому с нарочитой медлительностью сняла с себя золотые сережки и положила на стол подле Валентины Степановны. Обручальное кольцо отправилось следом.

– Значит, дядя Боря не против моей идеи? – подытожила Лиза, чтобы прервать повисшую тишину, больно уж удушающе она действовала.

– Ему все равно, – отозвался сухо Матвей, – лишь бы не во вред.

– Вот как, – протянула Лиза слегка разочарованно, – стоило ли вообще ждать ответа? Раз уж ему все равно...

– Отчего же? Прокурор высказался сразу, и весьма доходчиво. Прочитировать?

– Так распирает от желания процитировать слова дядюшки?

– Уверяю, о моих желаниях тебе ничего неизвестно, но...

– Пусть так и останется!

– ...в его словах заложен довольно верный смысл.

– И? – Лизино терпение было на исходе.

– Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы детей не делало!

Лизавета едва собственной слюной не поперхнулась. Стояла точно пришибленная, глотая воздух разинутым ртом.

Теперь прекрасно понимала значение любимой фразы Гордеева: «Тут без мата не сказать»!

А ответить пришлось. Причем получилось столь красноречиво, что Лиза сама от себя не ожидала:

– Как же хорошо, что мне до лампочки на его мнение по этому вопросу...

– До чего же ты дерзкая!

Она смутилась, услышав в голосе мужчины восхищение.

А затем пришло озарение:

– погоди, почему ты сообщил мне об этом только сейчас? Столько времени прошло.

– Честно говоря, планировал отказать тебе в обучении, – невозмутимо фыркнул Верещагин.

– Но почему? – искренне удивилась Лиза. Что плохого в ее стремлении защитить себя?

– Соблазн – страшная вещь. И правильнее держаться от него подальше.

Взгляд Матвея, неотрывно скользящий по ее лицу, выражал гораздо больше эмоций, нежели эта скупая фраза. И от этой искренности Лизавете стало дурно.

О! Нетрудно догадаться, о каком соблазне он толковал. Им была она. Собственной персоной!

Лиза неосознанно шагнула за спину Дане в поисках поддержки.

– Отчего же сейчас передумал? – тихий шепот слетел с ее пересохших губ.

– Обувь, Лиза! – рыкнул Матвей нетерпеливо. – Все вопросы потом.

Зашнуровать кроссовки дрожащими непослушными пальцами, как оказалось, не самая легкая задача. Лиза с ней, конечно же, справилась, но не столь быстро, как планировала. Для занятий Матвей выбрал во дворе небольшой участок, заросший мелкой густой травой. Вероятно, подстраховался на случай ее падения. Ведь за ее содранные колени и сбитые локти отвечать ему придется перед самим Похомом!

Стоя прямо напротив в воинственной позе – ноги на ширине плеч, руки скрещены на груди – Лиза сурово поглаживала на мужчину снизу вверх, даже не представляя, чего ожидать от него в следующий миг. Потому и следила за ним внимательно, страшась моргнуть лишней раз.

– Как давно ты занимаешься танцами?

Она встрепенулась от внезапного вопроса. Неопределенно пожала плечами, не понимая, какое ему дело.

– Более десяти лет.

Верещагин понимающе кивнул.

– Краем глаза видел вашу тренировку. Должен признать, чувствуется уровень. Такие качества, как реакция, выносливость, гибкость и общая физическая подготовка, играют тебе на руку. А комплекция и внешний вид... ни у кого и мысли не возникнет, что ты в состоянии дать отпор обидчику.

Странные эмоции наполнили нутро. Противоречивые. И похвала вроде, да только со вкусом горечи.

– Я и не в состоянии... пока еще.

– Вот уж не сказал бы. С Решетниковым ты разделалась. Сама!

Лизавета сдержанно улыбнулась. Хоть убей, а его энтузиазма по этому поводу она не разделяла. Верещагин буквально вперился в девушку пытливым взглядом:

– Только вот... как? Как тебе это удалось? Борзый некоторым хитростям научил?

Даже от косвенного упоминания о муже сердце ухнуло куда-то вниз и забилось быстро-быстро. Порывисто втянув в себя спасительный кислород, Лиза выпалила на выдохе:

– Нет. Просто... однажды он дрался при мне... и я... выходит, что запомнила. А в случае с Толей... просто повторила. Память хорошая. И зрительная, и механическая.

Вновь уверенный кивок. Обычная констатация факта. Не

более.

Затем, немного поразмыслив, мужчина достал из кобуры пистолет и направил прямо на нее. Странное дело, Дмитрий в их первую встречу сделал нечто похожее, но ее реакция тогда существенно отличалась. Лиза была спокойна, как будто знала, что Похомов не способен причинить ей вред. Сейчас же от страха не только язык онемел – даже пальцы ног одеревенели!

– Огнестрельное оружие, – заговорил Матвей тоном наставника. Еле заметным движением он извлек полный магазин с патронами и поместил его в задний карман джинсовых брюк, а после продолжил более задумчиво: – Для кого дар, для кого... проклятье.

Это уж точно!

– Перехвати либо выбей! – озвучил он ей первое задание.

Лиза скривилась:

– Серьезно? Вместо того, чтобы учиться более полезным вещам и приемам, я должна изучать вот...

– Ты должна закрыть свой рот и не обсуждать мои приказы!

От его ледяного тона мороз пробежал по коже. Как еще инеем не покрылась!

– Мы будем изучать, что я скажу, когда я скажу и так, как я скажу! Вопросы?

– Да, есть один! – Щеки полыхнули гневным румянцем. – Какого черта ты на меня орешь?

Матвей закрыл глаза, словно пытался таким образом взять себя в руки и не всыпать ей по первое число за дерзость.

– Глупышка, – выдохнул Верещагин в какой-то момент. – Мы начинаем с самого необходимого, хоть тебе и кажется совершенно обратное. Если тебе так будет проще, что ж, давай смоделируем ситуацию. Представь, что ты все еще там. С ним. А в его обойме не четыре патрона, от которых ты сообщила избавиться, а все восемь. И прежде, чем ты успеешь выпустить все их в потолок, он тебя вырубит.

Лизавета нервно сглотнула. За свое поведение стало очень стыдно.

– Я... поняла. Не надо... моделировать.

– Вот и умница! – удовлетворенно улыбнулся Матвей, снова направляя на нее оружие. – Установка все та же. Перехвати либо выбей.

Она не знала, с чего начать. Самый настоящий ступор!

– И как мне это сделать?

– Как угодно. Без ограничений. После нескольких попыток я покажу верную технику выполнения данного приема. И пока ты не доведешь ее до автоматизма, не отпечатаешь на своей подкорке, подобно таблице умножения, я не позволю тебе даже присесть!

Приезд Аркадия Михайловича спустя пару часов их тренировки стал настоящим спасением. Никогда прежде Лиза так не радовалась его появлению, как сейчас. Девушка от

усталости еле переставляла ноги и едва ворочала языком. Однако вся эйфория сошла на нет, стоило узнать цель визита старшего Похомова. Он, коротко поприветствовав, протянул девушке небольшой бумажный пакет, наполненный тестами на беременность различных марок. Без особого труда она насчитала одиннадцать коробочек. В горле ком встал, сдавливая гортань. Казалось, горечь обиды разлилась даже по венам.

Ладно! Одиннадцать так одиннадцать! Чтобы уж наверняка!

Демонстративно развернувшись, Лиза зашагала в сторону уличного туалета, прихватив с собой пластиковую кружку. Она использовала их все! Вымещая злость на неповинных предметах, кромсала упаковки, не жалея сил. Даже не заметила, в какой момент порезала бумагой палец! Потом Лиза поочередно окунула тесты в жидкость согласно инструкции, кусая от волнения собственные губы. Когда те закончились, разве что не с ноги распахнула дверь. Похомова нашла в беседке вместе с бабушкой и братьями Верещагиными. Не справившись с эмоциями, швырнула все свое богатство прямо на стол и, рухнув на скамейку, разревелась, как последняя дура! Навзрыд, чем несказанно перепугала Аркадия Михайловича. Почувствовав себя в кольце его рук, Лиза заплакала еще громче. Еще отчаяннее. И слышала его успокаивающий шепот:

– Ну, чего ты, олененок? Не страшно же совсем!

– Вы не понимаете! – уставилась она на него покрасневшими глазами. – У меня все не как у людей! Я даже забеременеть по-человечески не смогла!

– Поверь, Лиза... оно к лучшему.

– Конечно! Ведь нет на свете силы, которая привязала бы вашего сына ко мне крепче, чем наш с ним ребенок. Да? – зачем-то повторила Лиза недавние слова Дмитрия. – Я знаю это и без вас!

Сколько времени прошло, пока она успокоилась, неизвестно. Похомов все еще прижимал к себе ее подрагивающее тело. Возможно, бред воспаленного сознания, но Лизе показалось, что он нежно называл ее дочкой, шепча тихонько на ухо ласковые слова.

– А почему одна отличается? – привлек к себе внимание Данила, увлеченно разглядывая разложенный на столе веер из тестов. – Так должно быть?

Невидящим взглядом девушка уставилась на единственный тест, на котором красовались две полоски, лихорадочно припоминая, что на одной из коробочек мельком видела надпись «сверхчувствительный».

Возможно ли? Она тут же запретила себе надеяться. Один против десяти? Смешно!

– Что это значит? – раздался напряженный голос Аркадия Михайловича.

– Ничего. – Лиза вытерла лицо тыльной стороной ладони. – Иногда бывают осечки. Бракованный попался. Навер-

ное...

Поддавшись порыву, она вскочила на ноги и яростно сме-
ла все тест-полоски на дощатый пол.

– Видеть их не могу!

* * *

– Бульона отварить, Лизонька?

– Не хочу.

– Разве можно так, ягодка? – ужаснулась Валентина Сте-
пановна. – Вчера ни крошки во рту не было. Сегодня пол-
день уже, а ты еще не вставала...

Несмотря на явное желание растормошить внучку во что
бы то ни стоило, бабушка присела на край постели. Самой
себе противореча, заботливо поправила одеяло, вкладывая в
банальный жест столько нежности и тепла, что в глазах у Ли-
зы вновь защипало.

Она перехватила бабушкину шероховатую ладонь и при-
жалась к ней губами, выражая благодарность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.